

АПОКАЛИПТИКА

РУСЛАН МЕЛЬНИКОВ

БРОНЕПОЕЗД

Книга первая.
ОГНЕННЫЙ РЕЙД

Руслан Мельников
Огненный рейд. Книга 1
Серия «Бронепоезд»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056798

Аннотация

Неудачный эксперимент привел к жутким последствиям. Страна превратилась в сплошную аномальную зону. Кровожадные твари-интродукты из других измерений захватывают новые ореолы обитания. Люди гибнут, бегут и как могут приспосабливаются к изменившимся условиям. Расширяющиеся пространственные аномалии прервали сообщения между городами. Единственный путь, по которому, выехав из дома, можно вернуться назад – это железная дорога, но и он не безопасен.

Москва еще держится. Прикрытая Форпостами-пригородами и обнесенная по МКАДу защитным Кольцом, столица отгородилась от остальной России. По ближнему Подмоскovieю опасно передвигаются бронированные электрички. На поиски жизненно необходимых ресурсов в соседние регионы отправляются тяжелые экспедиционные бронепоезда, часть из которых исчезает без следа. Но уже сформирован спецбронепоезд, экипажу которого предстоит прорваться в самый центр аномалий.

Книга публикуется в новой авторской редакции.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Руслан Мельников

Огненный рейд. Книга 1

Пролог

Тук-тук-тут-тук. Тук-тук-тук-тук. Тук-тук-тук-тук...

По заброшенной железнодорожной ветке в таежной глуши катился под горку одинокий вагончик. На первый взгляд – обычная теплушка, отцепленная от товарняка и пущенная вниз с небольшой возвышенности. Вот только антенны на товарные вагоны не устанавливают. А этот был буквально утыкан неприметными проволочными усиками, торчащими в разные стороны. На дощатых бортах перемигивались светодиодами миниатюрные датчики. Изнутри доносилось басовитое гудение генератора, хорошо различимое даже сквозь перестук колес. Сквозь щели пробивались стробоскопические всполохи света.

Тук-тук-тут-тук. Тук-тук-тук-тук...

С каждой секундой вагон набирал скорость, вагон неся все быстрее, быстрее... Нависавшие над железнодорожной насыпью сосны норовили зацепить его раскидистыми лапами, будто пытаясь остановить или хотя бы задержать. Но шустрый вагончик легко проскальзывал между хвойных великанов, сбивая с веток шишки и иглы.

Тук-тук-тут-тук...

Весело стучали колеса.

В самом конце спуска вдоль рельс высилась странная конструкция: оплетенные проводами и обвешенные аппаратурой столбы с перекладинами. Этакие гигантские «турники», выставленные на одинаковом расстоянии друг от друга, соединенные между собой и с рельсами разноцветными пучками кабелей, отдаленно они напоминали каркас недостроенного ангара.

Тук-тук...

Вагон с разгону въехал под перекладины. И...

Тук-ту...

Исчез.

Без следа и без звука.

Тишина. Только звенят, затихая, рельсы, по которым больше не катятся колеса. Да покачиваются провода, потревоженные воздушной волной.

Секунда тишины, две секунды, три...

Потом – треск, снопы искр из расплавленной обмотки кабелей и приборных ящиков, прикрепленных к квадратной арке над рельсами...

Негромкий, почти неслышный хлопок.

На месте пропавшего вагона буквально из ничего взбухла полусфера, заполненная непроглядной черной мглой. Купол стремительно разрастался, словно надуваемый из-под земли пузырь, накрывая, вбирая в себя и поглощая столбы с перекладинами, железнодорожное полотно, насыпь и лес вокруг.

Потом пузырь лопнул.

А чернота осталась. Растворенная в воздухе мгла была похожа на зловещую кляксу.

Входящие в нее с одной стороны и выходящие с другой рельсы полыхнули синеватыми вспышками. Импульс света метнулся по рельсам, как пламя по бензиновой дорожке. Нервные синие всполохи, похожие на две стелющиеся по земле молнии, устремились за линию горизонта.

Их путь был длинным и путанным. Несясь по перегонам, мостам и тоннелям, охватывая все новые и новые станции, застревая в тупиках, разделяясь на развилках, множась на железнодорожных узлах, они в считанные секунды преодолевали сотни рельсовых километров. Странное явление пугало, удивляло и восхищало случайных свидетелей.

Тем временем возле клубящегося сгустка тьмы возник еще один купол-полусфера. Только этот пузырь был уже без черного наполнителя. Наоборот, он расцветил тайгу ярким серебристым сиянием, словно бесшумный взрыв мегатонной бомбы. Пузырь расширился до немыслимых размеров, вырос чуть ли не до облаков.

Беззвучно лопнул.

Но вдали, по обе стороны от железнодорожного полотна взбухли сразу два таких же сияющих пузыря, живших лишь несколько секунд.

Потом – еще три. Отброшенных далеко в тайгу друг от друга и от источника аномалии.

Лопнули и они.

Появились другие.

А на четкой границе, где обрывались железнодорожные пути, и начиналась чернота, возникло слабое, едва заметное шевеление. Раздвинув мгlistый полог, рельса коснулось тонкое длинное щупальце водянисто-зеленого цвета. Усеянное иглами и коготками, оно слепо пошарило вокруг. Тронуло старую подгнившую шпалу, ковырнуло щебень, раздвинуло сорную траву на насыпи. Снова обвило рельс.

Пару секунд слышался скребущий звук маленьких острых коготков по металлу. Вслед за первым щупальцам показалось второе. За ним – третье. Потом из плотной тьмы вывалилось все остальное...

А еще несколько секунд спустя, чернота исчезла. Но лишь для того, чтобы появиться в другом месте.

Глава 1

Они пришли ночью. По Рязанке. И, не останавливаясь, двинулись дальше.

Очередная толпа беженцев... Отчаявшиеся, запуганные, обезумевшие люди надеялись прорваться за спасительное Кольцо. Да только кто ж их туда пустит?

– Остановитесь! – устало хрипел громкоговоритель.

В который раз уже...

Люди шли. Валили сплошной массой. Перетекали мимо заградительных барьеров. Огибали запрещающие знаки. Сторонились минных полей, обозначенных флажками и крашенными столбиками. Лавировали по разделительным лабиринтам баррикад, рассекателей и ключей проволоки. Обходили разрушенные артиллерийским огнем дома и воронки в асфальте.

Медленно, не очень решительно, но они все же подступали к Стенке. Все ближе, ближе...

– Пропускные пункты не работают! – надрывался мегафон, над Рязанскими воротами. – Внешние КПП откроются в восемь ноль-ноль!

Беженцы будто и не слышали. Им эта информация была не интересна. Многие из них могли не дожить до восьми ноль-ноль.

– Прошу проявлять благоразумие! – тщетно увещевал громкоговоритель. – Без рабочей визы в город не пройдет никто!

Вряд ли у кого-нибудь из этих несчастных оборванных и голодных провинциалов, чудом добравшихся до столицы, имелась спасительная виза. Однако беженцы не останавливались.

Егор Гусов, командир отделения гарнизонной службы Восточного сектора МКАД, занимал позицию между Рязанскими воротами и пятьдесят восьмым спецотражателем, как раз возле командного пункта взвода. Из бойницы Егора шоссе, с которого выходили беженцы, просматривалось далеко и хорошо. По шоссе словно текла живая река.

Прожекторы выхватывали в человеческой массе отдельные фигуры, угрожающе поднятые над головами кулаки и протянутые в мольбе руки. Искривленные лица, испуганные лица, безумные лица... Прожекторы били по глазам и слепили толпу, но люди,двигающиеся ко МКАДу, уже были ослеплены страхом.

– Остановитесь! – зывал мегафон. – Немедленно остановитесь!

Егор невесело усмехнулся. Переговорщик из группы психологического противодействия массовым беспорядкам старался изо всех сил, честно отрабатывая свой хлеб и квадратные метры, отведенные ему за кольцевой Стенкой. Но, видимо, переговорщик был не очень квалифицированным. Во всяком случае, пока его слова не доходили до толпы и не приносили видимых результатов.

– Завтра вами займутся. Слышите? Всеми вами. Завтра. Утром. Ровно в восемь ноль-ноль. Сотрудники службы резервной занятости поговорят с каждым. Специалисты, в которых нуждается город, а также члены их семей получают рабочую визу или будут поставлены в кадровую очередь.

Конечно, это была ложь. Никто разговаривать с беженцами не будет. Никто не выдаст им спасительных виз. Ни завтра с восьми ноль-ноль до двадцати ноль-ноль (рабочий график внешних КПП). Ни послезавтра. Ни через неделю. А дальше за Кольцом вряд ли кто-то протянет.

В последнее время беженцы приходили ко МКАДу только для того, чтобы уйти. В город не впускали никого. По крайней мере, на Восточном секторе. Да и вообще... Насколько

было известно Егору, в Москве сейчас хватало и рабочих рук, и толковых голов. И Москве не нужны были лишние рты. Да и подмосковным Форпостам тоже.

Увы, такова горькая правда: все теплые местечки за столичным Кольцом и в его окрестностях, которые еще удавалось удерживать, заняты. Но беженцы все шли и шли. В Москву шли. На Москву. Гонимые паникой и неистребимой жаждой выжить. Шли, потому что за столичным Кольцом можно было спастись. Пока еще можно...

Сначала беженцев было много. Потом меньше. Потом – почти не стало. И вот опять... Целая толпа. «Откуда их столько? – поражался Егор. – Как смогли добраться?».

А впрочем, какая разница?

Толпа выплескивалась на расчищенное пространство перед МКАДом. Заполняла хорошо просматриваемые и простреливаемые со Стенки пустыри. Все мешавшие обзору здания здесь были взорваны и снесены по самый фундамент. Подвалы – засыпаны. Груды мусора разровнены бульдозерами.

Любой, кто подходил к московской кольцевой автодороге был как на ладони. Спрятаться – негде. И пути дальше нет.

По внешней обочине широкого многополосного и совершенно пустынного шоссе тянулись высокие – в два человеческих роста – ряды колючей проволоки. Обычно здесь беженцы останавливались и, пошумев некоторое время, уходили с открытого места искать убежище. Или уходили вообще.

Но в этот раз толпа не остановилась.

Какой-то смельчак, перекинув через колючую проволоку одежду, полез на внешние заграждения. А еще несколько секунд спустя уже десятки беженцев карабкались на колючку, раздирая руки в кровь.

– Остановитесь или мы откроем огонь! – охрипшим вороном прокаркал громкоговоритель.

Не подействовало.

Первый ряд колючей проволоки обрушился под напором толпы.

Да что же они делают-то? Егор вздохнул. На что вообще надеялись эти бедолаги, когда отправлялись в Москву? И на что они рассчитывают сейчас? Стенку – комбинированную кольцевую линию неприступных укреплений, тянувшихся вдоль МКАДа – не всякая армия возьмет штурмом. А эти... Безоружные, оборванные, истощенные люди...

Впрочем, этим, похоже, было уже все равно.

На внешней стороне кольцевой автодороги творилось что-то невообразимое. Крики, стоны, проклятия. Упавшие и запутавшиеся в колючке люди пытались подняться, но их буквально втапывали в грязь и асфальт задние ряды. Беженцы не думали останавливаться. Они снова и снова бросались на колючку, давили и топтали друг друга. Обезумев, лезли по головам. Срывались, падали, лезли снова.

Вообще-то изначально оборонительная Стенка, выстроенная по МКАДу, предназначалась для защиты города не от людей. Но и от них она тоже хорошо защищала.

– Вот суки тупорылые, а! – слышался рядом знакомый гнусавый голос. – Ползут и ползут, уроды!

У соседней бойницы засел Васька Клюев. Кличка – Клюв. Мозги – тоже, в общем-то, птичьи.

– Не, ну в самом деле, сколько можно объяснять ублюдкам, что Москва, мля, не резиновая?! – Клюв, конечно, не мог удержаться от комментариев. «Понаехавших тут» он ненавидел лютой ненавистью.

Егор с неприязнью покосился на соседа. Носатая морда, наглые прищуренные глаза, тонкие губы, скривленные в вечной брезгливой гримасе... Клюв называл себя москвичом. Хотя московские корни его – так себе... Корешки. Отец Клюва приехал покорять столицу.

Сумел зацепиться. Сыночек остался. Теперь вот нос задирает выше крыши. Впрочем, известное дело: новые москвичи они такие... самые московские москвичи.

Сам Егор перебрался в Москву незадолго до того, как ВСЕ началось. Все ЭТО.

Можно сказать, ему повезло. Спецназовский стаж, сообразительная голова, умелые руки, знание практически всех видов вооружения, реальный боевой опыт и специфические навыки, которые будут востребованы в любое смутное время. В общем, он выдержал бешеный конкурс на московскую прописку. Его оставили. Столице, в спешном порядке организовывавшей «кольцевую» оборону и готовящейся к длительной осаде, нужны были такие профи. В отличие от многих других специалистов и работяг.

Как только над городом нависла угроза ресурсного дефицита, в Москве начались массовые чистки. «Оптимизация населения» – так это называлось официально. Тех, кто не попадал в установленный «оптимум» по личностным или профессиональным качествам, вышвыривали за МКАД. Все делалось по-московски жестко и быстро.

Перенаселенный мегаполис без всякой жалости избавлялся от лишних людей. Вернее, от тех, кого столица сочла таковыми. Вообще-то, на взгляд Егора, в Кремле, думе, мэрии и управах осталось немало народу, подлежащих выдворению за пределы Кольца в самую первую очередь. Но, поскольку именно эти люди, сумев удержаться у власти, рулили процессом очистки города, им-то как раз ничего и не угрожало.

Метла мела, чистки не прекращались. Разговор с мигрантами из других регионов и областей был коротким. У провинциалов практически не оставалось шансов зацепиться в городе, который тысячами вышвыривал за Кольцо своих собственных жителей.

Однако наивные беженцы все еще питали иллюзии, что Москва их спасет.

– Позавчера с Ленинградки тоже толпа ломилась, – не унимался Клюв. Он возмущенно бормотал под нос, вроде бы, не требуя внимания к своим словам, но и не умея держать при себе свой «праведный» гнев. – А неделю назад к Каширскому въезду провинциалы подкапывали...

Из командного пункта у Рязанских ворот слышался рокочущий бас взводного. Труба – так называли командира за глаза подчиненные. Труба докладывал по рации об обстановке, сложившейся в зоне ответственности взвода.

Доклад был длинным, громким и полным экспрессии.

– Беженцы... мать... До двух тысяч человек... мля... – выхватывал Егор отдельные фразы. – Да, уже у МКАДа... мать... На приказы остановиться не реагируют... епть... Вают колючку... мать...

Потом комвзвода сбавил звук. Егор постарался сквозь затянувшуюся тираду Клюва расслышать что-нибудь еще. Получалось – не очень. Противный гнусавый голос Клюева назойливой мухой лез в уши:

– Откуда только берется это быдло, а?! Вроде бы, интродукты должны были уже сожрать за Кольцом всех подчистую! Ан нет – прут и прут, гады. У-у-у, провинция хренова! Колхоз долбанный! И ведь доходят как-то, доезжают, суки! Через Переносы, сквозь тварей. И опять – все в Москву, в Москву, в Москву лезут, мать их... Как будто медом тут намазано! Раньше было – не продохнуть, и теперь на шею хотят сесть. Подыхали бы уж тихонечко у себя в Мухосранске, так нет же сюда приперлись, падлы...

– Слышь, пасть закрой, а, – посоветовал Егор.

Клюв недружелюбно зыркнул в его сторону. Но заткнулся. Нарываться на неприятности в открытую Клюев не любил, предпочитая пакостить за спиной. А уж возможности для этого у него имелись. Клюв работал на службу внутренней безопасности, о чем был прекрасно осведомлен весь взвод. Да и сам Клюев не особенно скрывал этот факт. Наоборот – вроде как гордился. Порой Егору казалось, что сам Труба относится к Клюеву с опаской.

– Немедленно остановитесь! Будем стрелять! – все надрывался и надрывался громко-говоритель.

И снова:

– Не-мед-ленн-но ос-та-но-ви-тесь! Бу-дем стре-лять!

Как будто у переговорщика, ошалевшего от упрямства толпы, закончились другие слова.

Призывов матюгальника по-прежнему никто не слушал. Беженцы преодолевали вторую линию колючки.

Труба отдал короткий приказ. Возле командирской позиции заработал пулемет. Одна очередь. Вторая. Третья... По МКАДу покатилося оглушительное рваное эхо.

Пулеметчики стреляли в воздух. Это было последнее средство, которое безотказно срабатывало всегда.

Но не сработало сейчас.

Толпа не остановилась. Прожекторы нервно елозили по людской массе, запутавшейся в колючей проволоке.

«Женщины, дети, старики», – отметил про себя Егор. Ну, этим точно ничего не светит. Никто им даже временной, даже кратковременной рабочей визы не даст. От такого балласта столица избавлялась в первую очередь.

Интересно, а где их мужики-то? Хотя... Понятно где. Прикрывают тылы, наверное. Или прикрывали. Пока было, кому прикрывать.

Беженцы завалили еще один ряд колючей проволоки.

– Что, мля?! – снова услышал Егор удивленный голос комвзвода. Зачем, епть?!

На этот раз громкость была отменная: Труба не говорил, а кричал в рацию, не забыв по своей неизменной привычке присовокупить пару непечатных словечек. – Но ведь...

И долгая-долгая пауза. Теперь Труба, судя по всему, не орал – слушал. Видимо, теперь орали на него. Правда, что именно хрипит рация на командном пункте, понять было сложно.

Затем Егор разобрал злое и обреченное:

– Есть... Никак нет... Так точно...

Клюв, совсем уж по-птичьи вытянув шею, следил за Трубой.

– По моей команде! – над позициями грянул басовитый хорошо поставленный голос взводного. – Огонь на поражение!

Глава 2

Че-е-его?! Егор не верил собственным ушам. На какое еще, на фиг, «поражение»? Раньше до такого не доходило.

– По команде – огонь на поражение! – ошалело, с небольшой заминкой продублировал приказ Трубы командир второго отделения.

И...

– По команде – огонь на поражение! – слышалось со стороны третьего отделения.

Егор промолчал. В свете прожектора он увидел, как на колючку, лезет, царапая тонкие ручонки, девчушка лет десяти. Худющая, в каком-то рваном тряпье. Снизу девочку подсаживает мать. И их им приказывают расстреливать!

– Гус, мать твою! – взорвался взводный. – Какого хрена сопли жуем? Командуй отделением!

– Прошу повторить приказ, – нахмурился Егор.

– Огонь! – раздраженно рявкнул комвзвода. – На поражение! Что непонятного?

– Остановитесь, или мы вынуждены будем открыть огонь на поражение! – грянул с ворот громкоговоритель.

Все было понятно. Все, кроме одного.

– Это же люди, – пробормотал Егор. – Не интродукты. Не твари.

– Вижу, епть! – выплюнул взводный. – Знаю!

– Это какая-то ошибка.

– Это приказ, Гус! – брызжа слюной, Труба вымещал злость на непослушном подчиненном. – Выполняй!

Прожектор снова мазнул по внешней обочине МКАДа. Девчушка сорвалась с колючей проволоки. Кажется, плачет, прижав к груди исцарапанные руки. Мать снова поднимает ее на заграждения.

– Да пошел ты! – выплюнул Егор.

– Что?!

– Я не подписывался исполнять такие приказы!

Труба выматерился – витиевато и от души. И, кажется, выпустил пар.

– Неподчинение старшему по званию при выполнении служебных обязанностей? – Это взводный проговорил уже без злости. Каким-то отстраненным глухим и пустым голосом. – Под трибунал пойдешь, Гус.

– Плевать! – а вот у Егора эмоции били через край. – В беженцев стрелять не буду. У меня контракт на защиту города от тварей.

Клюв, отстранившись от бойницы, внимательно наблюдал за Егором и командиром. По губам безопасника скользнула подленькая улыбочка.

Взводный скользнул взглядом по Клюеву. Выматерился еще раз.

– Гусов, сдать оружие и паспорт. Оставаться на месте до дальнейших распоряжений. Клюев, возьми у него автомат и документы.

Егор молча сунул калаш в руки ухмыляющегося Клюва. Тот забросил его ствол за плечо и снова протянул ладонь.

Егор вынул из нагрудного кармана паспорт. Отдал.

– Вот так, – с тоскливым каким-то выражением пробормотал взводный. – Клюев, принимай командование отделением.

Вздыхнув, Труба тихо добавил:

– Дурак ты, Гус.

То ли с сожалением он об этом сказал, то ли с завистью. НЕ понятно. Сказал и отвернулся.

Все...

Егор стиснул зубы. Довыживался, блин! Может, не стоило качать права? Без оружия и штампа с московской регистрацией он сразу ощутил себя таким же незащищенным, как беженцы на той стороне МКАДа. Теперь любой столичный патруль вправе вышвырнуть его за Кольцо, а при сопротивлении – пристрелить на месте.

– Взвод, слушай мою команду... – голос Трубы стал вдруг сиплым и натужным. Слова как будто давались взводному через силу. Да, непростой ему предстояло отдать приказ.

Клюв прильнул к своей бойнице. Егор склонился к своей. Уже без оружия – сейчас он просто наблюдал за происходящим.

Беженцы перебирались через третью линию колючки и вступали на асфальт кольцевой дороги.

– Огонь! – негромко, словно бы нехотя скомандовал взводный. – Огонь на поражение!

Клюв оскалился.

– Всю жизнь мечтал! У-у-у, суки, понаехали тут, понаприходили. Ну получайте. Первое отделение – огонь на поражение!

Приложившись к калашу, Клюв выпустил очередь.

Дальше пошло легче.

– Второе отделение – огонь!

– Третье отделение – огонь!

Сухим надсадным кашлем затарахтели автоматы. Длинными очередями зарокотали пулеметы над воротами.

Крик... нет, вопль разочарования, отчаяния и ненависти разнесся над МКАДом.

На широком пустынном шоссе и расчищенных подступах спрятаться от пуль было негде. Провинциалов выкашивало десятками. Людей, рассчитывавших найти в столице спасение и помощь, находила смерть.

Первые ряды, застрявшие в колючей проволоке, были перебиты в считанные секунды. Из задних по Стенке вразнобой ударили несколько ружей. «Значит, не совсем уж безоружные эти бедолаги», – отметил про себя Егор. Впрочем, «не совсем» в данном случае означало «почти». Ответный огонь был жалок. Пули и картечь на излете зашелкали по укреплениям, не причиняя вреда бойцам гарнизонной службы.

На миг Егор представил, как в глазах беженцев выглядят защитники Кольца. Огордившиеся колючкой, засевшие за прочной Стенкой, хорошо вооруженные, сытые, холеные, самодовольные москвичи...

Наверняка, неприязнь, которую Клюв испытывал к пришлым провинциалам, и раньше была взаимной. А уж после такого...

Несколько человек (Егор так и не понял: то ли живых еще, то ли изрешеченных пулями и повисших на колючке трупов) повалили секцию в последнем ряду проволочных заграждений. Около дюжины беженцев бросились к брешу, что-то крича и размахивая руками.

Этих встретили струей из огнемета.

Жидкое пламени, перелетев через многополосное шоссе ударило точно в пролом. Накрыла людей. Крики стали громче. Люди заматались в проволочной ловушке живыми факелами. Запутались, попадали. Впрочем, они кричали недолго.

Где-то на Рязанском шоссе, далеко за внешними ограждениями тоже послышалась стрельба и крики. Лучи надвратных прожекторов ударили вглубь Рязанки.

В тылу у беженцев мелькали неясные тени. Много теней. Словно темные волны пересекали примыкающее к МКАДу шоссе. Раз пересекли, два пересекли. Три...

Разглядеть стремительных существ на таком расстоянии, в нервно мечущимся свете прожекторов было почти невозможно. Темные силуэты чем-то напоминали крысиные. Если бывают крысы размером с носорога. Впрочем, сейчас бывает всякое. И не такое сейчас бывает.

– Интродукты! – услышал Егор чей-то истошный вопль. И не сразу понял, что кричит Клюв.

– Твари! – проревел Труба. А вот бас комвзвода Егор опознал сразу. – Общая тревога!

Над Рязанскими воротами взревела сирена. Это толпу беженцев можно расстрелять силами одного взвода, втихую, без сирен. Или завалить какую-нибудь одиночную тварь, сдуру забредшую под Стенку. Но когда появляется целая стая интродуктов, встречать ее надо во всеоружии.

Теперь все стало ясно. Беженцев преследовали. Возможно, их даже специально гнали на неприступное столичное Кольцу, как в ловушку. Вот почему обезумевшие люди полезли на колючку и под пули.

Огонь со Стенки усилился. Только теперь защитники Кольца поливали свинцовым градом отдаленный участок Рязанского шоссе, надеясь если не достать, то хотя бы отогнать тварей.

– Прошу артподдержки! – кричал в рацию Труба. – Повторяю: прошу артподдержки! Замечены интродукты в районе Восточного сектора. Рязанское шоссе, квадрат 39–21! Повторяю: Рязанка, квадрат 39–21! Запрашиваю десять осколочно-фугасных! Да нет, мать твою! Не беженцы! Твари! Да, сначала были беженцы, епть, теперь твари! Что делают? Провинциалов, мля, жрут! Угроза Кольцу? Непосредственной угрозы пока нет, но в любой момент могут попереть и на нас! Что значит, «накроем, когда попрут»?! Слушай, ты, козел безрогий, я тебе русским языком говорю, что твари попрут на нас в любой момент. Ладно, хрен с тобой, жмотина тыловая, давай хоть пять осколочных.

Где-то за многоэтажками Волгоградки ухнул залп невидимой батареи. Егор услышал гулкое эхо выстрелов, потом свист снарядов, выворачивающий всю душу наизнанку. В такие минуты всегда кажется, что стреляют по тебе.

Верелетевшие через Стенку снаряды легли точно в указанный квадрат. Ночь расцвели пять огненных бутонов. Егор поежился, представив, какой град осколков сыпанул сейчас по Рязанке и дальним полуразрушенным зданиям у шоссе. Вот только осколками этими посеколо лишь беженцев, которых еще не успели сожрать.

Крысовидные интродукты с необычайным проворством сдернули прочь, едва заслышав свист снарядов. Твари, крутившиеся вокруг Кольца, быстро учились и уже усвоили, когда можно нападать, а когда лучше отступить.

Они сгнули в темноте так же внезапно, как и появились, унося в челюстях по три-четыре человеческих тела сразу. Впрочем... Одни твари сгнули, другие – появились.

Видимо, привлеченные шумом стрельбы, к Рязанке устремилось летающее отродье. «Один, два, три, пять, семь», – считал Егор летунов, мечущихся в лунном свете. Пару раз он уже видел таких. Короткое туловище, длинная шея, маленькая голова, большая пасть, размах крыльев – с Икарус-гармошку. Эта стая тоже попыталась урвать свое, атаковав разбегавшихся беженцев с воздуха.

Одна «птичка» неосторожно приблизилась ко МКАДу. Тварь тут же поймали лучами два прожектора.

На крыше высотки за спиной Егора затянул свою убийственную скороговорку зенитный пулемет. Автоматчики на Стенке добавили свою порцию свинца. Подстреленная тварюга с противным клекотом прынула прочь от Кольца. Однако далеко отлететь не смогла. Упала где-то за Рязанкой. Остальные летуны тут же устремились к раненому сородичу. Они теперь тоже не останутся без добычи.

Стрельба стихла. И на этот раз – до утра.
Беженцы были остановлены. Нападение интродуктов – отбито.

Глава 3

– Ну и какого ты уперся? Почему не стрелял, когда приказано было стрелять? – подполковник Кабаев, возглавлявший оборону Восточного сектора, смотрел на Егора тяжелым немигающим взглядом больших, чуть навывкате, выцветших глаз.

Нездоровое одутловатое лицо подполковника было похоже на лицо утопленника.

Егор не отвел глаз. В просторном кабинете с окнами, забранными решеткой (на всякий случай: иногда через Стенку сквозь огонь зенитчиков все же пролетали мелкие тварюшки, которых потом отстреливала полиция и части гражданской самообороны), кроме них больше не было никого. Егора и подполковника разделял заваленный бумагами стол.

– Гус, я ведь тебя давно знаю...

Это была истинная правда. Еще до начала всех этих катаклизмов Егор служил под началом Кабаева. Да и позже неоднократно отличался при отражении атак тварей, удостаиваясь личной похвалы подполковника.

– И я хочу помочь.

Наверное, это тоже было правдой.

Но Егор молчал. Кабаев вздохнул:

– В чем дело, Гус? Все стреляли. Ты – нет.

– В моем контракте нет такого пункта, чтобы расстреливать беженцев, не проявляющих агрессии и не представляющих угрозы, – отчеканил Егор.

– Но в контракте есть пункт о беспрекословном подчинении командиру.

– «Во всем, что касается обороны города от интродуктов», – процитировал Егор упомянутый параграф.

Кабаев неодобрительно покачал головой.

– Согласен, форма контракта несколько хм... устарела, скажем так. Но, в конце концов, не в бумажке дело. Ты взрослый и, как мне до сих пор казалось, разумный человек. Ты должен понимать, Гус: есть определенные правила, по которым всем нам теперь приходится играть. Либо ты следуешь этим правилам, либо выходишь из игры. А выход здесь один. За Кольцо. Все ясно?

– Нет, – Егор упрямо выставил подбородок. – Не все. По людям палить зачем? Нас поставили оборонять Кольцо от тварей.

– Раз поступил приказ, значит, надо было палить.

– По людям?

– Да, по людям надо было. И иначе было нельзя.

– До прошлой ночи обходились без этого.

– А больше не обходимся, – Кабаев покачал головой. Вздохнул: – И у нас теперь тоже не обходится.

– В каком смысле, «и у нас тоже»? – не понял Егор.

– На южном и северо-восточном участках уже расстреливали беженцев. И на западном было пару раз.

– Расстреливали? – Егор удивленно поднял голову.

Стреляли на Кольце часто. Только до сих пор он думал, что стрельба велась исключительно по тварям-интродуктам. Выходит, ошибался.

– Расстреливали-растреливали, – заверил его подполковник. – Только это м-м-м... не афишировалось, в общем.

Ну да, это не та работа, которой стоит гордиться.

– До сих пор наш сектор был благополучным, – продолжал Кабаев. – Ну, относительно. Но когда беженцы прут отовсюду, нельзя остаться чистеньким.

– По Рязанке шли женщины и дети, – угрюмо сказал Егор.

– И что? Женщины, дети, старики, больные, калечные и умирающие приходят к Кольцу почти каждый день.

– В последнее время, реже, – возразил Егор. – Гораздо реже.

– Не важно. У нас и так не хватает ресурсов, а что будет, если пускать за Стенку всех страждущих? Чем прикажешь кормить эту прорву народа, где ее размещать, как защищать? Сейчас такие времена, что приходится контролировать количество ртов. И соотносить их с качеством всего остального, что к этим ртам прилагается. Мозги, руки, навыки, умения...

– Понятно. Оптимизация населения.

– Да, оптимизация! Или, если хочешь – естественный отбор.

– Не-е-ет, товарищ подполковник, – криво улыбнулся Егор. – Никакой он не естественный. Искусственный.

– Да по хрену! – взорвался Кабаев. – Москва – не богадельня! Чтобы хоть кто-то выжил здесь, в Кольце, остальных нужно оставить за Кольцом.

– Кто-то? – Егор снова усмехнулся. – Почему бы не сказать прямо: выживает только тот, кому посчастливилось получить штампик со столичной регистрацией, пережить чистку и доказать свою полезность этому самому Кольцу? Почему бы не признать, наконец, что МКАДовское Кольцо – это спасательный круг для избранных?

– Послушай, Гус, – Кабаев смотрел уже не на него, а куда-то в зарешеченное окошко. – Кольцо защищает нас. Вернее, мы сами защищаемся с его помощью от внешнего мира. Весьма, заметь, враждебно к нам настроенного. Когда к Стенке подваливают твари – мы отбиваемся от них. Когда беженцы из провинции рвут проволочные заграждения и пытаются влезть в чужой рай, который строился не для них, мы тоже вынуждены защищать наш благополучный мирок.

Благополучный? Насколько он вообще благополучен, если приходится делить людей на тех, кто достоин жить в Кольце, и тех, у кого такого права нет? И если тот, кто достоин сегодня, завтра может вылететь за Стенку, как пробка из бутылки.

Егор вздохнул:

– Беженцы все равно не перелезли бы через Стенку. Зачем их было расстреливать?

– А если бы перелезли? – Кабаев пожал плечами. – Ну, вдруг?

Егор промолчал. Он такого «вдруг» попросту не мог представить.

– В конце концов, все зависит от самих беженцев, – продолжал Кабаев. – Если они понимают, что им здесь нет места, и тихо отваливают восвояси, никто стрелять в них не станет. Нам надо экономить боеприпасы.

– Ну да, мы просто отгоняем людей от Кольца, чтобы потом их сожрали твари.

Кабаев усмехнулся:

– Так о чем мы тогда вообще спорим, Гус? Какая разница – сожрет провинциала тварь или свалит твоя пуля под Стенкой?

– Для провинциала – никакой. Разница есть для того, кто стреляет. Или не стреляет.

– Ну, раз уж ты такой принципиальный, – подполковник зло тряхнул головой, – выпустил бы пару очередей в воздух – и все дела.

– Боеприпасы экономить надо, – буркнул Егор.

Да и глазастый Ключ все равно понял бы, куда целит сосед: по живым мишеням или поверх голов. К тому же, пришлось бы не только стрелять самому, но и давать команду всему отделению.

– А приказы надо выполнять, – холодно заметил подполковник. Помолчал, вздохнул: – Думаешь, мне самому легко отдавать такие приказы?

Егор не ответил. Подумал про себя: «Отдаешь ведь». Подумал и даже немного устыдился. Выбора у Кабаева не было. У него семья, дети. Пока подполковник сидит на обороне

сектора, – они живут в безопасности за Кольцом. Но как только Кабай слетит со своего поста, вместе с ним за Кольцо отправятся красавица-жена, две симпатичные дочурки и ни к чему не приспособленный сынок-раздолбай. Сразу столько места освободится! Пятерых новых подполковников можно прописать в столице и поставить на оборону сектора. Пятерых бес-
семейных, разумеется.

Да и у взводного Трубы тоже, кстати, жена и ребенок имеются. А когда от твоей лояльности зависит не только личное благополучие, но и безопасность родных, на некоторые вещи, наверное, смотришь несколько иначе. И расстреливать толпу обезумевших от страха людей тогда становится проще.

Егор прикинул: а если бы у него была семья за спиной, стал бы он кочевряжиться? Или предпочел бы молча пристрелить и карабкающуюся по колючке девчонку, и подсаживающую ее снизу мать. И уложить еще десяток-другой провинциалов, которым все равно ничего хорошего в этой жизни уже не светит.

– На самом деле приказ открыть огонь по беженцам исходил не от меня лично, если тебе это интересно, – снова заговорил Кабаев после недолгой паузы. Кажется, подполковник оправдывался и, вполне возможно, не столько перед ним, Егором, сколько перед самим собой. – Распоряжение пришло оттуда, – Кабаев ткнул пальцем вверх. – Я всего лишь ретранслировал чужой приказ.

«Всего лишь? Удобно, наверное, быть ретранслятором», – подумал Егор. Однако вслух ничего не сказал.

– Ну да ладно, хватит о беженцах, давай теперь о тебе. – Кабаев перевел разговор на другое. – Взводный твой мужик нормальный – он и рад был бы все спустить на тормозах, но не может уже: слишком много свидетелей. Кто-то успел стукнуть в СБ.

Ну ясно кто... Егор вспомнил глумливую ухмылочку Клюва. Фирменная улыбка сотрудника службы внутренней безопасности.

– От трибунала мы тебя отмазали с грехом пополам, – произнес Кабаев, почему-то не глядя в глаза Егору. – Былые заслуги и все такое...

Егор ждал продолжения.

– Но на секторе оставить не получится.

– На мое место уже кого-то взяли? – поинтересовался Егор, заранее зная, каким будет ответ.

– А ты думал? – фыркнул Кабаев. – Очередь в кадровом резерве большая, желающих много. Твоя регистрация и право на служебное жилье аннулированы. Ну, сам понимаешь...

Подполковник снова что-то пристально рассматривал за решеткой окна.

Егор понимал. Он все прекрасно понимал. Если его снимают с обороны сектора, то он на фиг никому не нужен внутри Кольца.

– Значит – за Кольцо? – попытался улыбнуться Егор.

Губы были как резиновые, улыбка вышла натужная и неестественная.

За Кольцо – это значит прямоком в пасть к тварям. И это значит, что в следующий раз его самого будут расстреливать под столичной Стенкой всякие там Клюевы.

Так, может быть, трибунал был бы лучше? Предпочтительнее? Проще? Легче? А что? Скорый суд, пуля в черепушку или петля на шею – и все, и никаких тебе больше проблем...

– Не тушуйся, Гус, – вяло подбодрил его Кабаев. – «За Кольцо» – оно ведь тоже разное бывает.

Ах, вот в чем дело!

– Форпост? – вопрос вырвался сам собою.

– Да, – кивнул полковник. И снова повернулся к нему. – Это единственное, что я смог сделать для тебя. Удалось убедить начальство, что ты слишком ценный кадр и твои навыки еще могут пригодиться.

Так, значит, да? «Ценный кадр». Ну, конечно, кадровые военные и профессиональные спецназовцы нынче редкость. Почти все погибли. А среди беженцев-провинциалов настоящих профи трудно найти.

Ладно, Форпост – так Форпост... Егор задумался. В принципе, так оно, конечно, лучше, чем совсем уж за Кольцо. На самом деле громким и грозным словом Форпосты назывались несколько подмосковных городков-станций, еще связанных со столицей защищенными перегонами железных дорог и самостоятельно отбивающих нападения тварей.

У пригородов-Форпостов было два основных предназначения. Во-первых, размещение ценного рабочего персонала, в труде которого еще нуждалась столица, но которому уже не находилось места в пределах МКАДовского Кольца. Между столицей и Подмосковьем курсировали бронированные «электрички». Жители Форпостов, получившие в службе резервной занятости рабочие визы, как встарь каждый день ездили в Москву на работу и, отпахав смену, возвращались обратно. Это позволяло покрывать дефицит квалифицированных специалистов для военных и гражданских служб, не сильно перегружая столичную инфраструктуру и экономя массу ресурсов.

Вторая функция Форпостов заключалась в отправке и приеме столичных экспедиционных бронепоездов дальнего следования, а также в первичной сортировке и карантинном осмотре добытых в экспедициях грузов.

По большей части Форпосты снабжали и защищали себя сами, не сильно обременяя столичные власти. Жители Форпостов время от времени устраивали короткие вылазки в кишачие интродуктами подмосковные районы и выгребали подчистую все более-менее ценное, что еще можно было там найти. Половина найденного шла в столицу, половина – оставалась у форпостовских. Москва помогала лишь оружием и боеприпасами. Ну и людьми, когда появлялась такая необходимость. Прощтрафившимися ценными кадрами, например.

Паек в Форпостах был скудным, жизнь – невеселой и короткой. Но все же там можно было жить. Пока еще можно было. Для многих неприкаянных беженцев-провинциалов рабочая виза и каморка или койко-место в Форпосте были бы сейчас пределом мечтаний.

У каждого Форпоста имелось свое Кольцо, наподобие столичного, но, разумеется, поменьше и похлипче. Как правило, подмосковные Кольца охватывали не весь город, а лишь те его кварталы, которые примыкали к железнодорожной станции. Эти районы были густо заселены и с большей или меньшей степенью надежности защищены от тварей.

Но все же недостаточно надежно: под натиском интродуктов Форпосты гибли один за другим. Еще месяц назад их было раза в три больше. Теперь осталось около дюжины. Все – в ближайшем Подмосковьи. И сколько они продержатся, не знал никто. Вряд ли очень долго.

И все-таки это был шанс.

– Пока послужишь как наемник – по временной рабочей визе, – с вымученной улыбкой продолжил Кабаев. – Место базирования у тебя теперь станция Железнодорожная. Это за Реутовым.

– Знаю, – кивнул Егор. На сегодняшний день это был самый удаленный форпост Восточного сектора. Тоже зона ответственности Кабаева. Подполковник, вроде бы, и убирал Егора с глаз СБ МКАДовского Кольца, но в то же время оставлял под своим присмотром.

– Там как раз появилась одна вакансия. Специально застолбил для тебя.

– Спасибо за заботу, товарищ подполковник. А вакансия эта открылась случайно не потому, что человека перевели на мое место? Это я так, просто интересуюсь, к слову.

– Нет не поэтому, – нахмурился полковник. – Боевые потери. В Форпостах это, знаешь ли, случается чаще, чем у нас. А на твое место безопасники поставили кого-то из своих.

– Еще кого-то?

Клюева им мало, что ли?

– Угу, – Кабаев достал платок и вытер пот со лба. – СБ усиливают позиции в гарнизоне. Подозрительными стали – жуть! Сильно переживают за лояльность Кольца.

– А чего переживать-то? – удивился Илья. – Кольцо – оно для всех Кольцо. Дезертировать никто не станет. Предателей там тоже не может быть по определению. Не тварям же продаваться. Так какой резон?

– Ну вот ты, например, резон, Гус. Прямой приказ командира похерил. Стрелять в беженцев не стал.

– Понятно. А теперь получается одним резонном меньше – одним безопасником больше.

– Получается так...

М-да, веселенькое времечко наступает. Был во взводе один Клюв-дятел, стучавший на сослуживцев, теперь будет два. А потом глядишь – и третьего подтянут, чтобы уж по стукачу на каждое отделение. И пригляд усилится, и конкуренция среди безопасников появится, и все такое...

Егор искренне посочувствовал Кабаеву. Комсектора придется быть осторожней вдвое-втрое, чтобы не растерять верных людей и не слететь с должности самому.

– В Форпостах такая же беда? – спросил Егор.

– Брось, – отмахнулся подполковник. – наших безопасников туда голой бабой не заманишь. Они все сейчас Кольцо пасут. От него ведь в первую очередь зависит без-з-зопасность, – Кабаев скривился – Безопасность шишек из Кремля, думы и мэрии. Вот, что самое важное. А все остальное – это так, постольку-поскольку.

В голосе Кабаева послышалась безысходная тоска. Егору стало по-настоящему жаль командира. Некогда бравый, смелый и перспективный офицер, а теперь – вечный подполковник (новых званий больше не дают, и до полковника Кабаев уже не дослужится), зубами и когтями цепляющийся за должность комсектора, все-таки сильно, очень сильно изменился, пока сидел на охране Кольца. Впрочем, то, что сейчас происходит, меняет многих и меняет не в лучшую сторону.

– Ладно, Гус, вот твой паспорт с визой, вот пропуск до Курского вокзала. Там уже в курсе. Встретят, определяют. Пропуск дает право бесплатного проезда до Форпоста...

«Билет в один конец», – мысленно усмехнулся Егор.

– Так что иди. Служи...

Кабаев нервничал. Жалееет, наверное, что сорвалось с языка лишнее насчет «шишек».

– Когда все уляжется, перетащу тебя обратно в Кольцо при первой же возможности, – пообещал Кабаев. Не очень, впрочем, уверенно.

Егор поблагодарил подполковника: как ни крути, а есть за что. Взял паспорт и вложенный внутрь пропуск.

Вышел.

Глава 4

В паспорт он заглянул уже на улице. Ну да, все было, как и должно быть. Поверх штампа столичной регистрации, которую, многие по старой въевшейся в мозги привычке называли пропиской, стояла отметка «Аннулировано». С подписью Кабаева, между прочим. «Ка» и «бэ» с длинными размашистыми хвостиками-росчерками. Рядом служебная отметка «Восточный сектор, участок «РВ-СО-58»», перечеркнутая от руки жирным крестом. «РВ» – значит «Рязанские Ворота. «СО-58» – «Спецотражатель-58»

Ниже синела блеклыми казенными чернилами стандартная рабочая виза. Под визой тоже красовался подполковничий автограф.

Еще ниже – оттиск печати, на котором четко проступало неблагозвучно сокращенное название нового места службы «Железнодорожн.». Под печатью – незнакомая закорючка.

Между жестких страниц паспортины торчал желтый листок. Тоненькая такая плохонькая бумажонка. Однодневный пропуск, обеспечивающий беспрепятственный проход по прилегающим к МКАДу районам Москвы. Рабочей визы Форпоста для этого было недостаточно. С ней заходить дальше Курского вокзала Егор не имел права. Рабочая виза – это все-таки не аннулированная прописка, которая позволяла безбоязненно бродить по всей столице. Любая рабочая виза ограничивала передвижение ее обладателя местом жительства, местом работы и кратчайшим путем между этими двумя пунктами.

– Ваш-ументы... – над ухом раздался чей-то пренебрежительно-невнятный голос.

– Что?

Егор поднял глаза.

Да уж... Вашу... менты...

Перед ним стоял полицейский патруль. Трое. Молодые, наглые. В легких бронниках, с короткими «огрызками» АКСУ в руках. Да уж, полиция...

Таких вот, с позволения сказать, стражей порядка долго и упорно переименовывали в полицейских, но толку-то? Мент – он и в Африке мент. А уж сейчас – и подавно! Ну кому, в самом деле, нужна сейчас нормальная профессиональная полиция?!

Дубинок, баллончиков со слезоточивым газом и прочей чепухи московские менты-полисмены больше не носили. Зачем, если можно сразу стрелять на поражение? На широких рясах патрульных застыли самодовольные ухмылочки. Один жует жвачку. Он-то и заговорил с Егором. Надменно так, презрительно.

Прижав резинку зубами, полицейский выцедил снова, чуть более разборчиво:

– Документы? Ваши... – так выцедил, будто сделал великое одолжение одним лишь своим соизволением заговорить.

Егор вздохнул. Он и шагу ступить не успел от офис-штаба сектора, а эти трое уже тут как тут. Явились, блин, не запыхались! Впрочем, ничего удивительного. Наверное, человек, потеряно плящий в собственный паспорт, выглядит подозрительно. А у ребят в полицейской форме на все подозрительное глаз наметан.

– Документы, говорю. Оглох, что ли? – мент с жевательной резинкой во рту ткнул Егора автоматным стволом в живот.

Тычок оказался болезненный. Профессиональный. Ох, пусть бы обратку, врезать гаду в рыло, да так, чтобы подавился своей жвачкой. А нельзя... Положат сразу, на месте. Да еще и поощрение от начальства получают за грамотные и самоотверженные действия при ликвидации опасного нарушителя правопорядка.

Егор протянул жвачному паспорт и пропуск:

– Вот...

Он, увы, уже не мог, как прежде, небрежно сунуть в нос патрулю документ с «твердой» столичной регистрацией и гордо удалиться. Менты – сами по большей части рабвизовские – старались не связываться с прописанными москвичами. Зато на остальных отыгрывались по полной.

Жвачный вскользь глянул на пропуск и, не найдя в нем ничего интересного, с унылым, даже разочарованным каким-то видом вернул бумажку Егору. Открыл паспорт.

Первым делом сверил вклеенное фото с оригиналом, потом развернул регистрационные страницы. И от изумления чуть не проглотил резинку.

– Оба-на! Секторский! – почти с восторгом сообщил он напарникам. – Отсюда, с Восточного! Аннулированный, мля!

Снова повернулся к Егору:

– Сегодня, прописку закрыли? В Форпост переводят, да? На рабочую визу?

Дурацкие вопросы, которые не требуют ответа – и так все ясно из документов. Егор отвечать не стал.

Полицейский покачал головой:

– Ну ты попа-а-ал, братан!

Сочувствие? Ага, держи карман шире! В голосе мента отчетливо прозвучало неприкрытое злорадство. Как же! Прописанный «москаль» опустился на ступень ниже и стал теперь вровень с патрульными... Даже нет, какой там вровень! Форпостовская виза – это не столичная виза.

– Че натворил-то, а? – через плечо «жвачного» в паспорт уже заглядывал второй патрульный – низенький и пухлый.

Третий – худощавый верзила – с глуповатой улыбкой молча пялился немигающими глазами на Егора.

– Ничего не натворил, – буркнул Егор. Докладываться этим стервятникам о том, что их не касается, он не собирался. Не обязан. Да и не чувствовал он себя «натворившим». Даже после разговора с Кабаевым. Ну то есть вообще не чувствовал. Ни малейшей вины за собой не ощущал. Только обиду. Которая, между прочим, уже переносилась и на этих ментов тоже.

– Совсем-совсем ниче? – хитро прищурился недомерок в форме. – Че, не гонишь?

– Просто перевозжусь. На новое место службы.

– Ага, «просто», – гоготнул жвачный. Поперхнулся. Отхаркнулся. Снова принялся гонять резинку во рту. – Просто так из Кольца в Форпостовскую дыру не уходят.

Егору снова захотелось вбить жвачку ему в глотку. Поглубже. Так поглубже, чтоб из задницы вылезла.

– Слышь, а че, правда, говорят, вы ночью по провинциалам шмоляли? – неожиданно сменил тему чекающий коротышка.

– Я не шмолял, – ответил Егор.

– Да ладно тебе, братело, – жвачный по-панибратски хлопнул его по плечу. – Наши парни сегодня у вас на Рязанке все утро прикрывали похоронно-санитарную команду. Похоронцы трупы со МКАДа растаскивали. Жмуров, которых твари сожрать не успели. Вы ж там уйму беженцев положили.

– А че, правильно, – снисходительно одобрил коротыш. – Так им, сукам, и надо. Че в столицу-то без визы лезть?

– Не-е, неправильно это, – неожиданно возразил жвачный.

Егор удивленно посмотрел на него. Не похож был вообще-то этот мент на великого гуманиста.

– Фигня какая-то получается, если не тварей, а провинциалов отстреливать начинают, – задумчиво продолжал патрульный с жвачкой.

– А че фигня-то? – вытаращил глаза коротышка. Тоже, видать, удивился.

Да и третий – молчаливый – мент озадачено уставился на жвачного.

– А то, что боеприпасов не напасешься, – обосновал свою позицию тот. – У нас вон дежурный табель уже урезали на полпрожка.

– А-а-а, – протянул коротышка. – Ну, вообще, да. Че-то жирно живут эти секторские, если по людям палят почему зря. Слышь ты, жирно живете, а?

Коротыш повернулся к Егору.

Егор ничего не ответил. Молча взял паспорт из рук жвачного.

– Э-э-э, ты че?! – выпятил грудь коротыш.

– Документы в порядке? – хмуро спросил Егор, даже не взглянув на него. Не этот недомерок был главным в патруле.

– Ну, в порядке, – нехотя признал жвачный.

– Виза не просрочена?

– Ну, не просрочена.

– Пропуск есть?

– Ну, есть.

– Ну, и досвидоз.

Он повернулся. Пошел.

– Че борзой, да? – бросил в спину коротыш. Впрочем, уже не так задиристо.

– Ладно, хрен с ним, пусть топает, – осадил напарника жвачный. – В Форпостах долго не живут. Сам сдохнет.

Третий патрульный так и не произнес ни слова.

...Егор шел вдоль Стенки, осматривая изнутри систему укреплений столичного Кольца. Когда еще доведется вот так прогуляться и полюбоваться ею с тыла. И доведется ли вообще? С учетом того, что в Форпостах долго не живут.

Защитную Стенку построили в рекордные сроки, когда интродукты только-только начали появляться в регионах. И между прочим, возводили ее главным образом силами нелегалов-гастарбайтеров, которых, как рабов согнали со всех столичных и подмосковных строек, а затем выперли за ненадобностью. Собственно, лишь этот опоясывающий город защитный барьер спас его от неминуемой гибели. К тому времени, как твари поперли по-настоящему, Москва уже превратилась в крепость. Огромную и, что немаловажно, хорошо вооруженную: из ближайших воинских частей и складов сюда завезли уйму оружия и боеприпасов.

Стенку потом еще долго достраивали, укрепляли и усиливали, но основная работа была выполнена в самые первые критические недели. Хлынувшие на штурм волны тварей-интродуктов не один раз, не десять, и, наверное, уже не сто разбивались о непрístupную линию укреплений.

По сути, Стенка была обычной стеной в три-четыре яруса, протянутой по внутренней стороне МКАДа. Великой Московской Стеной. Новым Кремлем нового века.

Бетон, кирпич, дерево, сталь и неременная колючка снаружи и поверху. Надежная система коммуникаций. Открытые и закрытые переходы. Многочисленные лестницы и пандусы для подвоза боеприпасов. Огневые точки и защищенные позиции для личного состава, бойницы, амбразуры...

Мощные пролеты Стенки тянулись между многоэтажками, превращенными в подобие крепостных башен. Выходившие на МКАД подъездные двери и окна нижних этажей были наглухо замурованы. Из верхних оконных проемов торчали пулеметы, огнемёты, и гранатометы. На крышах высоток смотрели в небо стволы зениток, наблюдали за окружающим пространством корректировщики огня и круглосуточно дежурили снайперы. За Стенкой располагались стационарные минометные и артиллерийские батареи и мобильные установки залпового огня.

Возле немногочисленных ворот и защищенных блок-постами наружных КПП, ожидали приказа к вылазке ударные бронегруппы, состоявшие из танков и БТРов. У подножия Стенки были оборудованы доты и дзоты, связанные с основной линией укреплений подземными галереями. Наиболее уязвимые места обороны прикрывали минные поля и усиленные проволочные заграждения. Практически все подступы к Стенке были расчищены и хорошо пристреляны.

Оборонительную систему Кольца дополняли, по крайней мере, в теории два мини-аэродрома, размещенные на Красной площади и на Тверской. Правда, исправных машин там уже почти не осталось. Последний самолет и с полдюжины вертушек столичные власти берегли как зеницу ока. Егор подозревал, что борта московских ВВС на самом деле предназначались для экстренной эвакуации высших чиновников, в том случае если... Хотя об этом лучше не думать.

Егор переключил внимание на другое. Над Стенкой на одинаковом удалении друг от друга поблескивали зеркальными сегментами изогнутые щиты, обращенные рабочей поверхностью в сторону МКАДа. Спецотражатели... Похожие на большие спутниковые тарелки, только прямоугольной формы, с чуть закругленными краями, эти массивные антенноподобные сооружения использовались вовсе не для связи и не для защиты от интродуктов. Но именно они были сейчас главным оберегом столицы. Мощные отражатели надежно прикрывали Москву и ближайшие пригороды от пространственных аномалий, из которых, собственно, и прут твари.

– Ваши документы, – снова услышал Егор за спиной знакомую фразу.

Еще один патруль... Полиция бдила. Рабвизовские стражи порядка, допущенные в спасительное Кольцо, отрабатывали оказанное доверие.

Егор со вздохом вынул из кармана паспорт и пропуск. Молча протянул документы.

Внутри Кольца шла такая же борьба против всякого рода нелегалов, как и против интродуктов, осаждавших столицу снаружи. Чистка... пардон, оптимизация населения, начавшаяся сразу после возведения Стенки, продолжалась до сих пор. И вряд ли она закончится прежде, чем падет Кольцо.

Полицейские патрули отлавливали все еще попадавшихся на московских улицах затравленных бедолаг без прописки и визы. Или вообще без документов. Или с аннулированной пропиской. Или с истекшим сроком действия рабочей визы. Или с фальшивым штампом в паспорте. Охота шла и на форпостовских наемников-дезертиров, пытавшихся затеряться за надежным столичным Кольцом, вместо того, чтобы после рабочей смены возвращаться в обреченные пригороды, как и полагается законопослушным гражданам.

Всего по пути к Курскому Егора останавливали раз десять. Это было непривычно и неприятно. Нет, конечно, его проверяли и раньше, но не так часто.

Наверное, вместе с аннулированной московской пропиской, было утрачено что-то еще, что-то особое, неуловимое и необъяснимое, что раньше вселяло уверенность, делало его стопроцентным москвичом и сразу бросалось в глаза стражам порядка. И чего сейчас, увы, не стало.

Отсутствие этого «чего-то» опытные менты чуяли нутром.

Егор вдруг ощутил себя человеком второго сорта. Такое острое, неудобное и мерзкое ощущение, когда у тебя в паспорте не прописка, а временная рабочая виза.

Виза... Да уж, дожили. Егор невесело улыбнулся. Сегодня он стал иностранцем в собственной стране. А впрочем, если разобраться, богатая Москва всегда была особым городом-государством в бескрайней нищей России. И Стенка по МКАДу тоже стояла всегда. Пусть не видимая прежде, но вполне себе ощущаемая. Как ни крути, а жизнь по ту сторону столичной кольцевой дороги разительно отличалась от жизни по эту. Наверное, больше

нигде в мире не было столь резкого контраста между жирующей столицей и голодающей глубинкой.

И раньше, и сейчас опоясанная Кольцом территория, была островком благополучной, ну или относительно благополучной жизни, построенной, кстати, во многом за чужой счет – за счет обобранной провинции. Москвичи, впрочем, не особенно задумывались на эту тему. Они просто ценили свое благополучие, трепетно относились к нему, берегли его и, конечно же, не собирались ни с кем им делиться. Благополучие – оно потому и благополучие, что на всех его не хватает.

Глава 5

– Так-так-так... Егор Гусов... Гусов... Гусов...

Немолодой мужик в неброском камуфляже задумчиво листал паспорт Егора. Скомканный пропуск валялся в корзине для мусора. Нет никакой необходимости хранить билеты в один конец.

– Слушай, а как тебя звали сослуживцы с Кольца? Гусь?

– Гус.

– М-м-м... Ну что ж, так, оно тоже неплохо.

Егор, вытянувшись по струнке, стоял в вокзальной конторе Форпоста. После давки в переполненном броневом вагоне пригородного поезда болели все мышцы и напрягать их лишний раз не хотелось. Но с новым начальством следовало держать ухо востро. Так что лучше потерпеть. Сам себе отдав команду «Смирно», Егор добросовестно ее выполнял.

Кабинет начальника станции Железнодорожная был поменьше Кабаевского. И стол в кабинете не такой массивный, и бумаг на столе валяется не так много. Но в остальном все очень похоже. Вплоть до расположения мебели и клетчатого узора решеток на окнах.

– Пополнение, значит?

Начальнику станции было под сорок. Или за сорок. Или около того. Точнее возраст определить сложно. Невысокий рост. Плотное телосложение. Обильная седина и отнюдь не только на висках. Худощавое волевое лицо с небольшой окладистой бородкой. Глаза – карие, необычайно спокойные. Понимающие. Немного грустные. Или лучше сказать – обреченные? Но обреченные тою матерой привычной и застарелой обреченностью, которая уже совсем без страха. И чуть-чуть, самую малость насмешливые. Уверенный взгляд этих глаз внушал уважение.

– Так точно, – Егор на всякий случай решил ответить. Ответил четко, по-военному. Хотелось все-таки произвести хорошее впечатление. Вылетать по глупости еще и из Форпоста не хотелось. – Пополнение.

– Пополнение – это хорошо, – кивнул новый командир. – Пополнение – это всегда хорошо...

И неожиданно посерьезнел:

– А вот то, что тебя списали с Кольца за невыполнение приказа, Гус, это плохо. Очень-очень плохо.

Сказано это было как-то странно: вроде бы, без осуждения и упрёка. Скорее, с задумчивым сожалением.

– Разрешите обратиться, товарищ... – начал, было, Егор. И запнулся. – Товарищ...

На форме собеседника отсутствовали знаки отличия. Да и формы-то как таковой не было. Камуфляж по нынешним временам – не форма. В таком прикиде сейчас пол-Москвы ходит. А форпостовские – считай, все поголовно. Так какого же звания этот товарищ будет? Товарищ лейтенант? Нет, староват... Товарищ капитан? Товарищ майор?

Собеседник хмыкнул:

– Без чинов и званий давай, ладно? И без этой уставщины. Не люблю... У нас тут все проще, чем у вас на Кольце. Так что расслабься. Вольно, я сказал, боец, вольно.

Егор, опасаясь подвоха, помедлил секунду и лишь после этого немного ослабил мышцы, осторожно перенес вес тела на одну ногу.

– Пока можешь называть меня Кирилл Васильевич. Или Батя. В бою и операциях, приравненных к боевым, я для тебя – «первый». По-позывному и так вообще...

«Да уж у них здесь, действительно, проще некуда, – подумал Егор, – прямо таки по-семейному. Батяня, блин...»

– Все ясно?

– Так точ...

– Гу-у-ус, – недовольно поморщился новый командир.

– Да, все понятно... Кирилл Васильевич.

Вроде бы знакомство в спокойной обстановке рабочего кабинета не тянуло на операцию, приравненную к боевой.

– Что хотел спросить-то?

– Пояснить. Насчет невыполнения приказа.

– Не надо, – Кирилл Васильевич отмахнулся. – Знаю. Беженцы. Я в курсе, за что тебя сюда сослали. Но если ты думаешь, что мы здесь не стреляем по провинциалам, то глубоко заблуждаешься. А знаешь, почему мы по ним стреляем?

На этот раз Егор предпочел промолчать. Тема была скользкой и опасной.

– Потому что они стреляют в нас, – сам ответил на свой вопрос начальник станции. – И очень часто – первыми. Твоего предшественника, к примеру, убил не интродукт, а пуля беженца. Эти ребята просто звереют, когда их разворачивают от Кольца. Пришлые провинциалы, которых уже поперли из Москвы, но которых еще не сожрали твари, доставляют много хлопот.

Кирилл Васильевич вздохнул:

– В принципе их понять можно. Но это не значит, что им нужно давать себя убивать или уступать свое место в Форпосте. Но это так, к сведению. Чтобы сразу расставить точки над «ё».

Ну что ж, типа, расставили... Егор молча кивнул.

– А теперь самое главное. – Кирилл Васильевич склонился над столом и уперся в Егора долгим немигающим взглядом. – Чтобы мы сработались, Гус, тебе нужно усвоить одну простую вещь. А именно...

Начальник станции выдержал долгую паузу, прежде чем продолжить.

– Наша служба здесь не менее важна, чем та, которую ты нес на МКАДе. Там... – пренебрежительный взмах рукой куда-то в сторону Москвы, – народец слишком трясется над своим Кольцом, забывая о другом. Никакая Стенка не спасет Москву, если по железной дороге перестанут ходить экспедиционные составы. Железка – это сейчас для всех нас дорога жизни. А Форпосты – ворота на эту дорогу. Мы отправляем и принимаем бронепоезда. Мы сортируем и проверяем грузы, без которых столица загнется за пару месяцев. А может, и за пару недель.

Прозвучало все это с изрядной долей пафоса. «Не иначе как, рвется наружу застарелый комплекс жителя маленького пригорода, вынесенного за большое Кольцо?» – подумал Егор, стараясь под пристальным взглядом нового командира не выдать своих мыслей.

– Тебе, должно быть, известно, Гус, как появились Портал, Переносы и интродукты?

Известно ли ему? Егор мысленно усмехнулся. А кому сейчас не известно о провалившемся, нет, какое там! – хуже, чем просто провалившемся эксперименте по телепортации? О Великой Лаже, которую во всеобщей панике даже не пытались скрыть. Впрочем, оно и понятно: трудно соблюсти секретность, когда неконтролируемая аномальная зона, порожденная человеком, разрасталась с такой скоростью. Когда по большому счету вся страна, область за областью, край за краем превращалась в эту самую сплошную аномальщину.

– Да, Кирилл Васильевич, конечно, мне все это известно, – сдержанно ответил Егор.

Сначала происходящее пытались объяснить неизученными природными катаклизмами. Но притянуть за уши к ответственности природу-матушку не удалось. Никто просто не поверил таким абсурдным заявлениям.

Потом во всем обвиняли подлых американцев, китайцев, якобы испытывавших новое оружие, и даже сбой в работе большого андронного коллайдера. Однако и этот номер не про-

шел. Кто-то из участников неудавшегося эксперимента – какой-то отчаявшийся, и, видимо, хорошо представлявший последствия ученый, наплевал на подписку о неразглашении и выложил в Интернет информацию о засекреченном проекте. Тогда сеть еще работала...

Как обычно, на очередной амбициозный проект были выделены огромные средства. Деньги были благополучно потрачены, распилены, растащены, откатаны, отбашляны, а частично – даже пущены по назначению.

Все началось с вагончика, напичканного секретным оборудованием и загнанного в далекий таежный тупичок на краю географии. Вагончик этот должен был переместиться из пункта А в пункт Б, а если точнее – то в один из подмосковных наукоградов. Однако, злополучный вагон в нужное место так и не попал. Если он и был переброшен куда-то силой научной мысли и новейших разработок, то вовсе не туда, где его ждали.

Вместо того, чтобы телепортировать объект в Подмоскovie, самонадеянные экспериментаторы пробили Дыру. Дыру хрен знает куда и хрен знает во что. Из Дыры пришла Хана. Хана с большой буквы. Полная Хана стабильности, устойчивости, надежности и незыблемости привычного мира.

Даже сама Дыра, связывающая эту реальность с пресловутым иным измерением, оказалась крайне нестабильным феноменом. Пробитая брешь между мирами появлялась и исчезала. А после – появлялась снова, хаотично перемещаясь по непредсказуемой траектории. От Портала, который, не мудрствуя лукаво, так и окрестили Блуждающим (впрочем, чаще его все же предпочитали именовать Блуждающей Дырой), как круги по воде шли Переносы – стихийно возникающие недолговечные телепортационные зоны, не имевшие связи с параллельным миром, но способные перебрасывать любой движущийся объект за сотни километров в этом измерении. Так что кое в чем ученые, затеявшие опасные опыты, добились успеха. Высоколобым ребятам удалось-таки запустить телепортационный процесс, но вот контролировать его им оказалось не под силу.

Вскоре мир перестал быть таким, каким он был раньше. Мир стал похож на дырявый сыр, или, скорее, на бурлящую жижу, где очередной пузырь мог надуться и лопнуть в любом месте и в любое время.

Передвигаться по этому миру было все равно, что ездить под бомбежкой или ходить по минному полю. В любой момент тебя могло накрыть телепортационной аномалией и зашвырнуть куда угодно. И не один раз зашвырнуть и не два, и не десять. А поскольку и компас, и навигационное оборудование в этом новом мире буквально сходили с ума, захваченному Переносом человеку можно было навсегда забыть о возвращении.

Но неконтролируемые Переносы – это еще полбеды. Из Блуждающего Портала, с Той его стороны, в огромных количествах поперли неведомые, немыслимые, невиданные ранее монстры и монстрики, единственной целью которых было только одно. Жрать!

Интродукция – распространение чужеродных видов на новом месте – шла с чудовищной скоростью. Переносы разносили хищную заразу из параллельного измерения (а может быть, и из нескольких измерений сразу – кто знает?) как ветер разносит чуму и пожары. Твари-интродукты захватывали новые ареолы обитания, решительно карабкались на вершину пищевой цепочки и бесцеремонно спихивали с эволюционной лестницы человека, оказавшегося, увы, не способным противостоять такому напору.

Приведенные в боевую готовность армейские части на расширяющейся территории телепортационных аномалий были бессильны. Военных еще на марше расшвыривало Переносами, авиация и ракеты исчезали с радаров, дальняя связь отказывала, навигация отключалась, а противник, принимая самые разнообразные формы, возникал из ниоткуда и атаковал отовсюду сразу, не считаясь с потерями. Армия не была готова к встрече с таким врагом и не умела воевать в подобных условиях.

Конечно, все происходило хоть и быстро, но не мгновенно. Имелось время и ужаснуться, и взять себя в руки, и осмыслить происходящее, и попытаться найти хоть какое-то противодействие надвигающейся беде. Но более-менее эффективную защиту удалось организовать только в Москве, где оказалось достаточно финансовых, интеллектуальных, технических, силовых и административно-властных ресурсов.

За пару месяцев расширяющаяся волна Переносов, среди которых, как помешанный метался Блуждающий Портал, докатилась до Подмосковья. Но столица уже успела подготовиться. Ученые – в том числе и те, кто прежде работал над телепортационным проектом, – с грехом пополам сумели создать локальную защиту от своего же детища. Поставленные по МКАДу новейшие антiteleпортационные генераторы и спецотражатели, прикрыли Москву от Переносов и отбросили Блуждающий Портал. Это, правда, спровоцировало активизацию аномалии в соседних областях, но себя и свои ближайшие пригороды столица все-таки защитила.

Разумеется, отражатели не способны были сдержать расползающихся индукторов. Но на пути тварей уже стояла Стенка.

А чуть позже выяснилась еще одна немаловажная деталь. Выходившие из зоны действия отражателей люди, вылетающие самолеты и вертолеты, выезжавший автомобильный транспорт и выплывавшие по Москве-реке суда, попав в Перенос, терялись безвозвратно. А вот железнодорожные составы и дрезина, отправленные на разведку ближайших территорий, возвращались довольно часто. Даже после Переносов. Если не натыкались на индукторов, конечно.

По непонятной причине узкая полоска пространства, ограниченная железнодорожными рельсами, давала реальные шансы на возвращение. Меняя направление движение на противоположное, поезда вновь попадали в Переносы, перебрасывавшие их в точности на то же самое место, с которого они уже были телепортированы аномалией.

Необъяснимо, но факт... Впрочем, не так уж и необъяснимо. Объяснить феномен пытались многие.

Согласно одной из теорий, неудавшийся эксперимент с вагоном на железнодорожном полотне каким-то образом повлиял на всю связанную между собой сеть железных дорог. Или, наоборот, железка оказала влияние на развившуюся телепортационную аномалию. Физические, химические или электромагнитные свойства углеродистой стали, протянутой на тысячи километров, каким-то образом частично нейтрализовали и стабилизировали действие Переносов.

Было объяснение и попроще. Сторонники другой теории утверждали, что возвратиться в исходную точку после Переноса можно, только если двигаться назад, в точности следуя предыдущей траектории своего движения. Тогда, якобы, непременно случится обратный Перенос. Однако вести, к примеру, машину тютельница в тютельница по своим следам не получится ни на шоссе, ни на грунтовке, сколь бы не был опытен водитель и как бы он не старался. Минимальный «люфт» протекторам все-таки будет обеспечен. Вода в этом плане – еще менее надежная стихия. Даже автопилот самолета не гарантирует стопроцентного, до сантиметра повторения маршрута. Воздушные потоки хоть немного, но собьют машину с курса.

А вот железная дорога – совсем другое дело. Поезд, движущийся по рельсам в одну сторону, обратно покатится тем же самым путем. Абсолютно тем же самым.

Так или иначе, но железнодорожный транспорт стал, по сути, единственной связью Москвы с внешним миром. А подмосковные пристанционные Форпосты эту связь всячески берегли и поддерживали.

– Ну, раз ты в курсе событий, Гус, значит, должен гордиться новым местом службы и не жалеть о старом, – торжественно объявил Кирилл Васильевич.

«Есть гордиться», – со вздохом подумал Егор, не чувствуя, впрочем, никакой гордости, зато ощущая щемящую тоску и сожаление об утраченном теплом местечке в гарнизоне МКАДа.

– Служить будешь во втором взводе станционной роты, – Кирилл Васильевич перешел на деловой тон. – Сейчас тебе дадут краткую вводную, потом пройдешь инструктаж, получишь оружие и встанешь на довольствие. Сегодня обустраивайся, а с завтрашнего дня займешься делом. Для начала поработаешь кондуктором-охранником на пригородных поездах. Правила, как я уже говорил, у нас простые. Тварей-интродуктов мочить, при необходимости – отбивать атаки провинциалов, но боеприпасы зря не транжирить. Выполнять все приказы командира. Подчеркиваю – все. За неповиновение – расстрел на месте. Без трибунала. Наши офицеры таким правом обладают. Да и еще: если покалечат, – пеняй на себя: виза автоматически аннулируется, и ты вылетаешь за Форпост. Иждивенцы здесь на фиг никому не нужны. У нас с этим, даже строже, чем в Кольце. Все. Свободен, боец.

Глава 6

Поднялись нависавшие над путями внешние и внутренние шлагбаумы. Лязгнули, соединяя разомкнутые рельсы, железнодорожные стрелки. Завыли приводы воротного механизма, раздвигая тяжелые металлические створки. Открылись массивные ворота столичной Стенки, выпуская за Кольцо бронированный железнодорожный состав.

И как только поезд выехал – закрылись снова. Оборонительная линия МКАДа осталась позади.

Прильнув с калашом в руках к правой тамбурной бойнице, Егор наблюдал за заброшенными пригородами. Легкое покачивание вагона и мерный перестук колес успокаивали и расслабляли. Но спокойствие это было обманчивым. И расслабляться нельзя было ни на минуту.

Как только поезд выезжал за пределы Кольца, могло произойти все, что угодно. Неохраняемые перегоны между столичной Стенкой и укрепленными Форпостами ближнего Подмосковья были защищены бетонной оградой, колючей проволокой и минными заграждениями на подступах к путям, но, как показывала практика, ни первого, ни второго, ни третьего было недостаточно, чтобы обеспечить безопасность пригородного сообщения.

Именно поэтому поезда сопровождала вооруженная охрана, а снаружи на вагоны подмосковных электричек крепились бронелисты. Такие уж времена: без брони за городом сейчас – никак.

Собственно, небольшие составы, связывавшие Кольцо с пригородными Форпостами если и назывались электричками, то больше по старой привычке. На самом деле с электропоездами недавнего прошлого они имели мало общего. Электричество нынче – слишком дорогое удовольствие. Да и внешне опять-таки...

Сейчас это были, скорее, легкие бронепоезда. В обиход даже вошло новое словечко: бронетричка. Броня, три... Егор мысленно представил монстра, в нутре которого находился.

Три автономных сегмента по три пассажирских вагона каждый. На внешней броне – не очень длинные (чтобы не зацепить встречный состав), но очень острые шипы – дополнительная защита от интродуктов. В середине поезда, на крыше одного из вагонов центрального сегмента – спаренный пулемет на универсальной турели, который при необходимости можно использовать и в качестве зенитного орудия против летающих тварей.

Вместо электровоза состав тянет добрый старый копилка-тепловоз, также защищенный шипастыми бронепластинами. Перед собой локомотив толкает грузовую платформу с балластом. На передней части платформы торчит массивный ножевидный выступ, похожей на нос боевого античного судна. Снизу подвешен косой отвал для очистки рельс.

Беженцы, не пущенные за столичную Стенку, уже неоднократно пытались отомстить. Провинциалы совершали диверсии на пригородных перегонах, и головная платформа была хоть какой-то страховкой от самодельных мин и фугасов. Кроме того, она выполняла функцию тарана на тот случай, если к железнодорожному полотну прорвутся интродукты. Тварей, которые порой достигали весьма солидных размеров, все-таки предпочтительнее спихивать с путей специально оборудованной балластной платформой, а не локомотивом.

Посты кондукторов-охранников располагались в служебных тамбурах, проход в которые открывался только на остановках. Очень удобно, кстати: вагонная толкотня не отвлекала и не мешала нести службу во время движения состава.

В каждом тамбуре дежурили двое: по человеку у бойницы, прорезанной в бронированной двери. Теоретически, этого было достаточно, чтобы перекрестным огнем сбить интродукта, рвущегося к бронетричке. Но, увы, теория, не всегда совпадала с практикой.

Поезд ехал не так, чтобы очень быстро, но и не медленно. Спешка, как и излишняя медлительность, на неохраняемых участках дороги могут дорого стоить. Безопаснее всего было придерживаться среднескоростного темпа движения.

Вагон покачивался. Колеса стучали...

Поездка в узком пенале тамбура была относительно комфортной. Во всяком случае, места на двоих хватало. Не то что в вагоне...

Егор на секунду оторвался от бойницы и заглянул в пассажирский отсек через решетку заблокированной двери. Вот бедолаги, а! Вагон был набит людьми до отказа. Что и неудивительно. Пригородные поезда сейчас ходят редко.

Сидений внутри нет: так помещается больше народу. Окна тоже отсутствуют. Проще и дешевле оказалось наглухо закрыть их стальными листами, чем вставлять бронестекло в непригодные для этого рамы.

В вагоне – темно и душно. Воздуха в вентиляционные отверстия попадало мало, а света почти не было вовсе. Тусклые диоды и энергосберегающие лампочки в запыленных плафонах работали в эконом-режиме. Впрочем, об удобствах пассажиров никто не думал. Да и сами пассажиры не особенно заморачивались по этому поводу. Главное было доехать в целости и сохранности на работу и вернуться живым с работы. А с этой задачей бронетрички пока худо-бедно справлялись.

Егор снова повернулся к бойнице. Надолго отвлекаться нельзя. На карте маршрута, прикрепленной у тамбурной двери, он отмечал слабые места заграждений. Брешки, прорехи, дыры появляются на защищенных перегонах каждый день. И их нужно своевременно латать. После поездки все отметки на маршрутных картах будут сверены и проанализированы. Затем на указанные начальством участки отправится бронепоезд ремонтной бригады.

А работы у ремонтников будет немало.

Вон сбиты листья и ветки. Видимо взорвалась осколочная мина. Может, не одна. Саперам придется заложить новые заряды. Вон порвана колючка над оградой. И там вон тоже проволока сильно провисла. Вон между покосившимися бетонными плитами зияет щель. Наверное, кто-то пытался прорваться. А может быть, и прорвался, но не найдя для себя ничего интересного, вернулся обратно. Или не вернулся? Или затаился где-то под насыпью и ждет?

– Реутов! – прохрипели динамик переговорного устройства – приготовиться к выходу!

Поезд замедлил ход. Остановился...

Неминуемая задержка. Реутов, как и любой Форпост за пределами столичного Кольца окружен своей Стенкой. Пока откроют ворота, пока впустят состав.

– Внимание, поезд! Из Москвы! – доносился откуда-то из-за ворот усиленный громкоговорителем голос диспетчера.

Егор внимательно следил за зеленой над грязно-серым забором ограждения. Вряд ли твари решатся напасть в светлое время суток, прямо под Реутовской Стенкой, но если это все же случится, неподвижный состав окажется более уязвимым, чем поезд на ходу.

Ворота открылись. Бронетричка дернулась. Въехала на охраняемую территорию. Ворота закрылись...

Теперь можно перевести дух. Полмаршрута без приключений – не так-то и плохо.

Забросив калаш на плечо, Егор отворил наружную бронедверь со своей стороны. Напарник по тамбуру – молчаливый русоволосый здоровяк Андрей – проделал ту же операцию с левого борта. На его стороне посадочной платформы не было, но на такие мелочи давно уже никто не обращал внимания. Главное – поскорее десантировать пассажиров.

Егор отпер вагонную дверь. Отступил, пропуская людей.

В два потока вышли около полутора десятков человек. Вошли трое. Если в вагоне и стало немного просторнее, то заметно это не было.

Андрей молча проверил билеты и документы.

– Проходим-проходим, не задерживаемся, – поторопил Егор тормознувшую в тамбуре троицу, гадая про себя, кому и зачем понадобилось ехать из одного Форпоста в другой.

Наверное, кому-то нужно. Зачем-то...

Потом как обычно: закрыть вагонную дверь, захлопнуть тамбурные. Предупреждающий гудок локомотива. Поезд тронулся.

На промежуточной Реутовской станции бронетрички долго не стоят.

За Реутовым тоже все было спокойно. Признаков жизни не наблюдалось. Ни человеческой жизни, ни нечеловеческой. За оградой тянулась сплошная стена деревьев.

Брешь в этой зеленой стене появилась внезапно. Чуть впереди, по ходу поезда. Кроны раздвинулись, будто отведенные чьей-то рукой.словно внезапный порыв ветра пригнул деревья к земле. Вверх и в стороны полетели листья, сломанные ветки и сучья. И...

Кусок леса оторвался от зарослей. Бросился на пути через бетонную ограду, колючую проволоку и минные заграждения.

Что-то большое, зеленое, не отличимое от листвы и хвои, что-то, до последнего момента неподвижно таившееся среди густых крон и еловых лап, оттолкнулось от гибких стволов. Прыгнуло к составу, разворачиваясь из плотного клубка в подобие паруса.

Тварь легко и стремительно спланировала (да, это был не полет, а именно прыжок-парение) над преградой, отделявшей железку от леса...

Краем сознания Егор отметил, что бросившееся на поезд существо отдаленно походило на гигантскую белку-летягу. Только такая «белочка» будет страшнее любой горячки. Размером с самосвал. С камуфлированной под цвет листьев шерстью. Вот только хвост – длинный и тонкий, как у рептилии, с широкими, чуть загнутыми, плоскими и острыми, как ножи пластинами на конце плохо вязался с образом прыгучей белки. Наверное, такой хвост можно использовать не только как руль в полете, но и как оружие в ближнем бою. А значит, ближнего боя лучше не допускать.

Егор нажал на спусковой крючок автомата, даже не разглядев толком тварь. Сначала стреляй, потом любуйся – таково было золотое правило выживания за пределами Кольца.

От выстрелов в замкнутом пространстве тамбура заложило уши.

Остро пахнуло порохом.

– Нападение! С правого борта! Интродукт! – истошно орал кто-то из динамика внутренней связи.

Из соседних вагонов ударили автоматы других кондукторов-охранников. Загрохотал пулемет в середине состава.

Однако, пулеметчики, контролировавшие верхнюю полусферу, все же немного запоздали. Автоматчики, державшие на прицеле ограду, тоже не успели вовремя поднять стволы.

Тварь перепорхнула опасную зону перекрестного огня.

Несколько пуль вырвали клочья пуха и кожи из растянутых между растопыренными лапами «крыльев», но, видимо, торс и голову не задели. Во всяком случае, полученные раны зеленую «белку» не остановили.

Балластная страховочная платформа и локомотив проскочили мимо твари. Пара пассажирских вагонов тоже благополучно избежали столкновения с ней.

Тварь обрушилась на третий вагон. На тот, в котором ехал Егор.

Вагон основательно трянуло. Не будь на нем бронебойной обшивки, делавшей поезд более устойчивым к воздействию извне, состав мог бы сойти с рельс. А если бы поезд одновременно атаквали не одна а две-три такие твари, тогда, наверное, от крушения не спасла бы даже броня.

Впрочем, и так мало не показалось никому.

Егора отбросило от бойницы, и он упал на грязный пол тамбура. Пассажиры в вагоне повалились друг на друга. Испуганные крики людей смешались с пронзительным воплем раненного интродукта.

Молчун-Андрей оказался проворным малым. Он перепрыгнул через упавшего напарника, подскочил к бойнице в правой двери и попытался срезать тварь автоматной очередью.

Попытка закончилась неудачно. В ответ на выстрелы «летага» будто хлыстом щелкнула по амбразуре своим длинным, гибким и голым, как у крысы хвостом. Удар оказался на удивление точным: упругий кожистый бич вошел в прорезь на тамбурной бронедвери.

Острые пластины на конце хвоста пилой полоснули по бойнице. По тамбуру брызнула кровь. Теперь уже Андрей, выронив автомат, с воплем грохнулся на пол. Пальцы на левой руке были срезаны, лицо – рассечено от виска до виска. Глаза – выковырнуты. Нос – перебит. Напарник Егора – слепой, и беспомощный бился в судорогах и орал от боли.

Судьба Андрея была решена. Даже если бедняга и выживет, ему уже не служить. Парню аннулируют рабочую визу и вышвырнут из Форпоста. А это – верная смерть. Тем более, для инвалида.

Однако и у интродукта не все было гладко. Искалечивший Андрея хвост легко прошел в бойницу, но вот обратно... Загнутые назад пластины-наросты застряли в узкой прорези как зазубрины гарпуна. Тварь снаружи яростно верещала и дергалась, но выдернуть хвост не могла. Теперь даже если сбить «летагу» с вагона, она все равно будет волочиться за составом.

Егор вскочил на ноги. Нажал кнопку переговорного устройства, доложил по внутренней связи:

– Первый тамбур, третий вагон, первая сцепка! Повторяю: первый третьего первой! Снаружи тварь. Тяжело ранен кондуктор...

Андрей уже не кричал. Из глотки несчастного вырывались лишь слабые хрипы. А еще через пару секунд стихли и они. Похоже, в плоских ножах-наростах на хвосте твари имелся сильнодействующий яд.

Егор нагнулся к раненому и попытался прощупать пульс. Пульса не было.

– Кондуктор мертв... – уточнил Егор в переговорник.

И отключил микрофон.

Подняв автомат, он повернулся к бойнице.

Глава 7

Угодившая в ловушку тварь все никак не могла вырваться. Хвостовые пластины скрежетали о металл, оставляя на внутренней поверхности двери царапины и влажные бесцветные потеки. А ведь точно, яд!

Егор направил автомат на застрявший хвост. Вдохнул поглубже, собрался... Стрелять нужно было так, чтобы все пули ушли в бойницу, а не срикошетили обратно в тамбур.

Он ткнул стволом в грязную кожистую поверхность хвоста-бича.

И – сразу нажал на спуск.

Шмальнул в упор.

Фонтаном ударила темно-бурая кровь. Пули изорвали гибкий хвост твари в клочья, перебили кости и хрящи. Вопль снаружи стал громче. Тварь снова дернула измочаленным хвостом.

Выдернула...

То, что смогла. Брызжащий кровью обрубок выскользнул из бойницы. Покрытый широкими прочными пластинами конец хвоста – извивающийся и сочащийся влагой – остался в тамбуре. Егор отпихнул его ногой в сторону.

Снаружи слышались удары.

Осторожно, стараясь не касаться бурых пятен и бесцветной слизи, заляпавшей тамбурную дверь, Егор выглянул в бойницу.

Нет, тварь не отцепилась! Проклятая «летяга» висела совсем рядом, а ее укороченный хвост лупил по вагону, оставляя на шипастой броне кровавые кляксы.

Бум-бум-бум! – частые удары хвоста сливались со стуком колес.

Взгляд Егора зацепился за уродливую вытянутую морду – толстокожую, морщинистую. Из кожистых складок, словно из смотровой прорези шлема недобро зыркают маленькие налитые кровью глазки. Длинные острые уши прижаты к голове, как у разъяренной кошки. Зубастая крокодильи пасть остервенело грызет металл.

Полуметровые когти твари – толстые, крепкие, острые – вцепились в стальные шипы. Пара шипов была погнута. Еще один – срублен у основания.

Плотная шерсть интродукта – тускло-зеленая, словно присыпанная пылью листва – сочилась темной кровью. И дело тут было не только в огнестрельных ранах. Правым крылом «летяга» напоролась на защитные шипы, и теперь она то ли не могла, то ли не желала отцепиться от вагона.

Прижавшись к броне, тварь билась на одном месте, как пригвожденная. И самое скверное было то, что место это оказалось мертвой зоной. Ну, почти мертвой. Пулеметчики с крыши уже никак не могли достать интродукта. А из всех тамбурных бойниц для стрельбы по монстру сейчас годилась только одна. Та, возле которой стоял Егор.

Егор просунул автомат в прорезь амбразуры. Прижавшись к стенке тамбура направил ствол под крыло «летяги». Эх, не подстрелить, так хотя бы отстрелить тварь от поезда!

Егор дал очередь.

Бесполезно! Выпущенные под таким углом пули прошли по плотной шкуре вскользь, срикошетили от толстой складчатой кожи и только разъярили зверя еще больше.

«Белка» вдруг резко подалась в сторону тамбура. Вытянув лапу, отмахнулась от пуль, как от надоедливой гнусы. Удар был сильный и быстрый. Когтистая лапа обрубила автомат по самое цевье.

Еще удар... Остатки калаша словно ударом кувалды выбило из рук Егора.

«Не дай Бог самому попасть под такую лапищу!» – пронеслось в голове.

Егор подхватил с пола перемазанный кровью автомат Андрея.

Из соседнего вагона кто-то тоже высадил длинную очередь. Зачем? Пустая трата патронов. Егор неодобрительно покачал головой. Уж если из его тамбура не удалось достать кошмарную помесь летающей белки с крокодилом, стрелять из соседних бойниц вовсе не имело смысла.

Словно в подтверждение мыслей Егора опять захрипела внутренняя связь:

– Второй второго первой! Докладывает второй тамбур второго вагона первой сцепки! Наблюдаю интродукта на третьем вагоне с правого борта! Сбить не удастся!

Второй вагон первой сцепки уже паниковал вовсю.

– Третий вагон первой сцепки, доложить обстановку, – тут же затребовали из штабного вагона. – Третий первой, жду доклада!

– Второй тамбур третьего первой! Интродукт вне пределов прицельного огня, – прозвучал доклад соседей по вагону. – Ничего не могу сделать.

– Первый тамбур? Что у вас? Есть кто живой? Почему не отвечаете?

Да потому что не до того сейчас! Выругавшись, Егор все же нажал кнопку переговорного устройства.

– Первый третьего первой. Пытаюсь избавиться от твари.

Проклятая «леляга» тем временем сползла, наконец, с пронзивших ее шипов. Но не улетела прочь и не сорвалась с движущегося состава. Несмотря на полученные раны, она явно вознамерилась добраться до добычи, укрывшейся за бронированной стенкой.

Вцепившись в защитные шипы, как в поручни и быстро-быстро перебирая по ним когтистыми лапами, интродукт будто по лесенке проворненько так переполз вплотную к бойнице Егора.

Удар. Скрежет металла...

Когти твари скользнули по стыку между бронепластинами над дверью. Один из когтей разодрал металл. Пробоил насквозь! Скользнул вдоль укрепленного стального косяка. Острие когтя чуть не задело плечо Егора.

Он отшатнулся от двери. Поднял автоматный ствол. Приложил к щеке липкий от крови приклад.

Егор изо всех сил старался не поддаваться панике, которая так и норовила захлестнуть с головой. Это ж какой крепости должны быть когти у «белочки»! И какой силищей должна обладать тварь!

Еще удар. На этот раз лапа попала в бойницу. Длинный загнутый коготь мелькнул перед глазами Егора.

Бойница стала заметно шире. За счет вывороченного края бронелиста. Невероятно! Беснующаяся снаружи «леляга» раздирала пуленепробиваемый металл как картон.

Егор задержал дыхание. И приказал себе: «Ждать!». Палить абы куда не имело смысла. Хватит, проходили уже. Эту толстокожую зубастую и когтистую «белку» нужно валить наверняка. То есть бить по самым уязвимым точкам.

Пока в прицел попадали только когти. Тварь яростно рвала бойницу, расширяя брешь.

Вагон раскачивался на ходу.

– Тварь прорывается в третий вагон! – прокричал кто-то по внутренней связи, даже не потрудившись себя идентифицировать. Но судя по голосу – опять соседи из второго.

– Третий первой! – а это уже из штабного. – Доложите, возможна ли эвакуация пассажиров...

Егор даже не стал отвлекаться на такую чепуху. Через прицел автомата он молча наблюдал за расширяющейся амбразурой.

– Третий первой! – требовали ответа штабисты.

Ответили из второго тамбура:

– Второй третьего первой! Эвакуация невозможна! Повторяю: эвакуация невозможна!

Еще бы! Какая, на фиг, эвакуация, если все вагоны забиты почти под завязку? Эвакуировать народ сейчас можно только наружу. На ходу. Только вряд ли кто-то из пассажиров согласится на такую эвакуацию.

– Изоляция третьего первой, – после секундной паузы объявили штабисты.

Краем сознания Егор отметил тревожное мигание красной лампочки над междвагонной дверью. Это означало, что тамбур заблокирован. Подвергшийся нападению вагон был отрезан от состава и предоставлен самому себе. Хотите – отбивайтесь своими силами. Хотите – помирайте. Это было жестоко, но разумно. Лучше отдать на откуп настырной твари только один вагон, чем пускать ее на прогулку по всему поезду.

Тем временем интродукт, расковыряв бойницу когтями достаточно широко, чтобы пустить в ход зубы. Длинная крокодильи пасть будто огромными клещами зажала исковерканный край бронелиста и отогнула его еще сильнее. Голова отродья резко дернулась. Металлическую пластину вырвало вместе с заклепками. Зубы твари не уступали по прочности ее когтям.

Выплюнув искореженный кусок стали, тварь просунула в образовавшуюся брешь всю голову, лязгнула зубищами перед лицом Егора. Тамбур наполнило запахом тухлого мяса.

Егор выстрелил. Одиночными.

В глаз.

Он попал.

Из-под складок толстой кожи брызнул темный кровавый фонтан. Тварь зажмурилась и завопила так, что у Егора чуть не полопались барабанные перепонки. Захотелось немедленно бросить оружие и зажать руками уши, но делать этого было никак нельзя: проклятая «белка» не отцеплялась от поезда. Раскрыв пасть чуть ли не во весь тамбур, почти на сто восемьдесят градусов, она тянулась к Егору.

Ну ладно! Перещелкнув рычажок режима огня на автоматический, Егор снова надавил на спусковой крючок.

И опять.

И снова.

Калаш грохотал и трясся в руках. Пули разрывали в клочья длинный по-змеиному раздвоенный язык, дырявили лиловое нёбо и решетили зловонную глотку. Темная кровь лилась рекой. А вопящая тварь все держалась за вагон и никак не желала подыхать.

Только когда он выпустил в раззявленную пасть весь рожок, тварь, наконец, обмякла и скользнула вниз.

Но даже после смерти интродукт не оставил третий вагон первой сцепки в покое. На этот раз за искореженный металл зацепилась кожаными складками крокодильи голова твари. Голова прочно застряла в раскученной бойнице.

Бронетричка не останавливалась. Тело мертвой «летаги»-переростка волочилось по железнодорожной насыпи. Истерзанные «крылья» бились о шипастую бронированную обшивку, вытянутые задние лапы загребали щебень и царапали безвольными когтями концы шпал.

Вообще-то это было небезопасно. Мертвая тварь могла разворотить путь, а ее длинные прочные когти, легко расковырявшие броню, могли попасть под колесо и пустить состав с откоса.

Егор присел под уродливую морду. Превозмогая отвращение, уперся плечом в перепачканную слюной, пеной и кровью нижнюю челюсть твари. Резко приподнялся. И с-с-ско-вырнул-таки голову из бойничного разлома.

«Летага» выскользнула из ловушки. Упала под насыпь. Бронетричка унеслась дальше.

В тамбурной двери зияла рваная дыра, в которую запросто мог бы пролезть человек.

Вскоре бронетричка замедлила ход. Колеса застучали реже. Теперь состав двигался медленно и плавно, будто не по рельсам ехал, а плыл по воде.

Придорожные ограждения здесь выглядели добротными и ухоженными. Густые заросли отступили от железки. И даже мрачные заброшенные здания, стоявшие вдоль дороги и палившие на проезжавший мимо поезд пустыми глазницами окон уже не казались злобными.

«Подъезжаем», – с облегчением вздохнул Егор.

– А-и-е о-е и-ы... А-и-е о-е и-ы... – донеслось далекое эхо.

Их заметили со станции. Об их прибытии сообщали. Станция Железнодорожная была уже совсем рядом. Станционная охрана готовилась принять состав.

Бронетричка подъехала ближе. Слова диспетчера стали более отчетливыми.

– Внимание, поезд! Из Москвы! Внимание поезд! Из Москвы! – нудно дребезжали мощные вокзальные динамики. И не было сейчас звука милее.

Незнакомая женщина в диспетчерской, устало, раз за разом, проговаривающая одну и ту же фразу, казалась самым родным человеком на свете.

Еще минута-другая напряженного ожидания. И вот, наконец, раскрыты ворота – уменьшенная и упрощенная копия МКАДовских.

Форпост принимал состав...

Все! Дома! Да-да, это место уже стало для Егора новым домом. Хотя дом этот и был не столь надежен как неприступное столичное Кольцо.

Станция-Форпост Железнодорожная располагалась между небольшим подмосковным городком с одноименным названием и лесным массивом с заброшенным дачным поселком. Местная Стенка, разумеется, не шла ни в какое сравнение с МКАДовской крепостью и напоминала латанное-перелатанное одеяло. Состояла Стенка из минно-проволочных заграждений, рвов и валов, возведенных на скорую руку блок-постов, баррикад и перегораживавших улицы сварных металлических конструкций. Дополнительные деревянные, кирпичные, бетонные преграды не очень органично вписывались в общую оборонительную линию старых пятиэтажек и относительно новых высоток, которые выполняли здесь функции главных опорных пунктов.

С севера ломаная линия Стенки охватывала несколько примыкавших к станции жилых кварталов, на юге – ровно шла вдоль полосы вырубленного леса. На станционном переходном мосту, вышках, чердаках и крышах располагались пулеметные гнезда, по Стенке были разбросаны позиции огнеметчиков и гранатометчиков, возле здания вокзала и на привокзальной площади размещались минометы.

Форпост пока держался. Потери здесь, конечно, были побольше, чем в столице, но уж чем-чем, а живой силой (или живым мясом – это уж как посмотреть) перенаселенная Москва снабжала Форпосты бесперебойно.

Прибывшую бронетричку осмотрели и загнали на запасной путь.

Пассажиры спешили покинуть поезд, в котором натерпелись немало страха, и молчаливой толпой, толкаясь и наступая друг другу на пятки, убегали со станции. Вымотанные, напуганные, они боязливо оглядывались на поврежденный третий вагон первой сцепки и косились на труп в тамбуре. Нападение интродукта, пусть даже успешно отбитое, никому не придавало оптимизма.

Егор стоял у искореженной двери и с завистью смотрел на людской поток, втягивающийся в здание небольшого вокзальчика с зенитным пулеметом на крыше. Пассажиры уже могут отдыхать. Кондукторам бронетрички такое счастье светит не скоро. Еще предстоял повторный осмотр состава, потом – сдача маршрутных листов, доклады об инциденте (атаки тварей называлось именно так – инцидент) и отчеты об израсходованных боеприпасах.

О смерти напарника и раскуроченном тамбуре придется писать отдельный рапорт. Возможно, не один. Плюс объяснительная по поводу приведенного в негодность табельного оружия. В общем, сплошные головняки. И все-таки...

Егор улыбнулся. Ведь все-таки жив остался! И, что не менее важно по нынешним временам – невредим. Можно считать, ему сегодня здорово повезло. Ему – да. А вот молчуну-Андрею...

Егор глянул на окровавленное тело в тамбуре. Улыбаться сразу расхотелось.

Глава 8

– ... поезд! Из Москвы! Внимание, поезд! Из Москвы! Внимание...

Монотонный занудный голос диспетчера все лился и лился из станционных динамиков. Голос – женский, а впечатление такое, будто говорит робот. Выхолощено, бесстрастно, без эмоций.

– Внимание, поезд!..

Привычный звуковой фон станционных будней.

– Из Москвы!

Егор выругался сквозь зубы. Заткнулись бы уж там, в диспетчерской, что ли? И так ведь уже все понятно. И все видно тоже.

К западным или как их еще здесь называли – Московским – воротам подходила последняя вечерняя бронетричка из столицы. Самый опасный рейс, кстати. В сгущающихся сумерках терялся дымный след тепловоза.

Состав остановился в нескольких метрах от ворот. Наблюдатели и снайперы, с помощью мощной оптики проводили дистанционный осмотр поезда: не прицепилась ли к вагонам какая дрянь. Вроде, ничего подозрительного обнаружено не было. По крайней мере, Егор ничего не заметил.

Второй взвод станционной роты, в котором нес службу Егор, на этот раз был поставлен в усиление к пулеметчикам на западном переходном мосту. Бронетрички сегодня сопровождала другая смена, и нельзя сказать, что Егор был этому не рад. После недавней стычки с зубастой «летагой» в тамбуры как-то не очень тянуло.

Впрочем, и здесь, на переходном мосту следовало держать ухо востро. Пока Форпост не штурмовали ни твари-интродукты, ни обиженные беженцы-провинциалы, но все могло измениться в любую минуту.

Прибытие поезда, как, впрочем, и его отправление на Москву – ответственный момент. То недолгое время, которое будут открыты ворота, оборонительная линия Форпостовской Стенки окажется разомкнутой, а значит – особенно уязвимой. И если кто-нибудь попытается прорваться на станцию вместе с бронетричкой, будет горячо. В случае нападения вторыми воротами должен стать свинцовый шквал группы прикрытия. Потому-то сейчас все глаза и стволы второго взвода смотрят на Московские ворота.

А ворота уже открывались.

Бронетричка въезжала на станцию.

Въехала...

Тяжелые створки сомкнулись над рельсами. Вроде, обошлось. Никто не бросается вслед за составом. Никто не ломится в ворота.

Еще один – более тщательный осмотр прибывшего состава. Затем вагоны выплеснули людей.

Молчаливая и суетливая толпа пассажиров схлынула с платформы, просочилась сквозь вокзальные двери, растеклась по курым улочкам Форпоста.

Егор вздохнул с облегчением. Кажется, эта смена закончится благополучно. Вздохнул и...

– Внимание, поезд!.. – вдруг снова ожили хриплые динамики станционного громкоговорителя. Дребезжащий металлический звук ударил по ушам.

Егор дернулся от неожиданности. Да какого! Переклинило эту тетку-диспетчера, что ли?

– На Москву!

Он не сразу сообразил, в чем дело.

– Внимание поезд! – повторила диспетчер. Теперь ее голос не казался невозмутимо-спокойным как прежде. Голос был возбужденным удивленным и даже, вроде бы, радостным. – На Москву!

Только со второго раза до Егора дошло. На Москву! Не из Москвы.

И что бы это значило? На путях стоит пустая бронетричка. На платформе – ни одного пассажира. Кондукторов-охранников тоже нет: видимо, уже сдают в вокзальной конторе маршрутные листы. Так какой смысл снова открывать Московские ворота и гнать состав в столицу. Тем более в такое время? Темнеет ведь уже... А по темному даже ремонтная бригада за Стенку не высунется.

– Внимание, поезд! – диспетчер не унималась. – На Москву!

Вечернюю тишину пререзал гудок тепловоза. Звук донесся не от западных ворот, на которые все еще пялился Егор. От восточных.

Егор обернулся.

Мама дорогая! Бронепоезд! Настоящий. Тяжелый. Экспедиционный. Вернее... Вернее то, что от него осталось.

К воротам приближался изрядно потрепанный бронесостав.

На станции поднялась такая суматоха, какой Егор не видел даже во время нападения тварей. По путям и платформам забегали люди с оружием и без. Что-то кричали командиры. Ага, вон даже сам «первый» – начальник станции Кирилл Васильевич выскочил из вокзальной конторы с матюгальником в руках.

– Первый взвод – на восточный мост, в прикрытие! – зарокотал не хуже станционного громкоговорителя усиленный мегафоном бас Кирилла Васильевича. – Второй – на карантинную платформу! Бегом! Бегом!

Егор вместе с сослуживцами бросился с западного моста к платформе, отгороженной от остальных путей бетонными блоками и закрытой сверху колючей проволокой. Пустующий карантинный отстойник вплотную примыкал к восточным воротам, которые уже...

Да, ворота уже открывались. Впервые на памяти Егора.

Пригородные бронетрички дальше станции Железнодорожной не ходят, а отправление в экспедицию или возвращение в Форпост бронепоездов дальнего следования Егору наблюдать еще не доводилось.

– Гус, ко мне! – вырвал его из толпы окрик начальника станции.

– Держи! – Кирилл Васильевич кинул Егору матюгальник.

Сам раскрыл висевший на поясе планшет с документами. Что-то будет отмечать, наверное. Количество вагонов? Доставленный груз?

– За мной! – велел Егору Кирилл Васильевич.

И шагнул к карантинной платформе. Егор поспешил за командиром.

Бронепоезд медленно-медленно въезжал на станцию. Въезжал, как вползал. Словно усталое, измученное и израненное существо. «Да уж, в таком виде – только ползать», – подумал Егор.

Вблизи состав выглядел просто ужасно.

Бронирование у экспедиционных поездов мощнее, чем у легких пригородных бронетричек, вооружение – солиднее, охрана – лучше. Однако и доставалось им там, куда они отправлялись, больше.

Егор заворожено смотрел на бронепоезд.

Побитая страховочная платформа впереди. Исцарапанный, словно через терку пропущенный, локомотив. Штуки четыре броневагона. Всего! А где остальные? Неужто все потеряны? Да, собственно, и те, что остались... Помятые крыши. Перекошенные орудийные башни. Изъеденные то ли кислотой, то ли ржавчиной, то ли высокой температурой бронели-

сты. Разодранные бойницы. Погнутые и обломанные защитные шипы. Пробитые в нескольких местах борта.

На платформе за броневагонами – бэтээр с глубокой вмятиной на корме и свернутой на бок башней. Еще одна платформа с разбитыми аппаратами, на которой, по всей видимости, тоже должна была находиться бронетехника, пуствовала. Потери...

На одном из вагонов под отчетливыми следами чьих-то когтей, содравших с бронеплиты краску и с полдесятка защитных шипов, Егор заметил следы от пуль и небольшое оплавленное отверстие. Характерная такая дыра, которую могла оставить только кумулятивная струя. Экспедиционным поездом, рыскающим в поисках ресурсов по дикой провинции, приходится отбиваться не только от интродуктов.

Второй взвод, рассредоточившийся по карантинной платформе, молча наблюдал за въезжающим на станцию составом. Колеса стучали о рельсы без привычного веселья: медленно, натужно как-то, словно через силу.

Ту-у-ук-тук. Ту-у-ук-тук... Звук был тоскливым и безрадостным. Из открытых люков в броневагонах смотрели грязные уставшие лица.

– Ты думаешь, что вчера в бронетричке пережили ад, Гус? – раздался над ухом Егора негромкий голос начальника станции. – Тогда посмотри на них. И подумай о том, откуда вернулись они.

Егор покосился на Кирилла Васильевича. Тот был мрачнее тучи.

– «Четырнадцать – сорок семь», – задумчиво пробормотал «первый».

О чем это он? Ах, да. На локомотиве и бортах броневагонов по трафарету было выведено «14–47».

– Неделю назад всего в рейд ушел, – продолжил после паузы Кирилл Васильевич. – Новенький был совсем.

И, помедлив еще немного, добавил:

– Растерял половину вагонов.

Половину?! Однако! Круто же обошлась с бронепоездом безжалостная провинция. За какие-то семь дней пережевала состав и выплюнула остатки.

Но зато...

За куцем и побитым бронесоставом тянулась длинная вереница товарных вагонов и полувагонов, цистерн и груженных платформ.

Зато «14–47» сумел урвать солидную добычу. То, чего не хватает столице, что трудно, а порой и невозможно раздобыть в ближайших окрестностях за МКАДовским Кольцом, и ради чего, собственно, тяжелые бронесоставы отправляются за подмосковные Форпосты. И откуда не всегда возвращаются. Или возвращаются в таком вот виде.

Бронепоезд вез трофеи. Жизненно важные ресурсы, которые с лихвой окупят понесенные потери. Наверное, окупят...

В хвосте поезда волочился второй – резервный – локомотив. Тепловоз был раздолбан в хлам. За сорванными бронелистами виднелись замасленные потроха дизеля.

Бронепоезд наконец, вполз на станцию, заняв почти весь карантинный путь. Восточные ворота закрылись. Лязгнули и закрипели тормозные колодки. Состав остановился.

Железнодорожные стрелки разорвали рельсы впереди и позади бронепоезда, надежно его заблокировав.

Начальник станции взял из рук Егора громкоговоритель.

Глава 9

– Внимание, карантинная зона! Экипажу бронепоезда оставаться внутри вагонов! – ревел мегафон начальника станции, направленный на состав словно пушечное жерло.

Из бронепоезда наружу пока никто и не рвался. Хмурые уставшие люди угрюмо смотрели из люков и распахнутых дверей.

Матюгальник «первого» повернулся к бойцам станционной охраны.

– Второй взвод, приступить к наружному осмотру состава! Проверять каждое пятно, каждый подтек. Бронефартуки поднять. Особое внимание уделять колесным тележкам, днищу и стыкам вагонов. От головы к хвосту по-о-ошли!

Егор шагнул, было, к бронепоезду вместе со всеми, но был остановлен.

– Гусов, останься, – распорядился Кирилл Васильевич.

Егор удивленно посмотрел на начальника станции.

– Ты в этом деле не опытный, – пояснил тот. – Еще пропустишь что-нибудь. Пока смотри и учись.

Егор пожал плечами. Учиться он никогда не отказывался.

Разбившиеся на пары бойцы начали проверку вагонов. Один смотрел, другой страховал. Осторожность не лишняя. Егора уже просветили на этот счет.

Осмотр экспедиционных бронепоездов являлся более тщательной и длительной процедурой, чем осмотр пригородных бронетричек. Оно и понятно: бронепоезда дальнего следования возвращались из таких мест, где можно подцепить и завести в столицу какую-нибудь дрянь, о которой здесь никто и понятия не имеет. И не факт, что экипаж состава заметит опасных «зайцев». Некоторые виды интродуктов обладали поразительными способностями к мимикрии и маскировочным метаморфозам. Этих тварей так и называли: метаморфы. Незаметно прилипнув к вагону, они могли сутками, а то и неделями ждать подходящего момента для нападения. Для профилактики подобных инцидентов на Форпостах и были оборудованы досмотровые карантинные зоны.

Взвод двигался вдоль состава с двух сторон. Пары одна за другой осматривали, ощупывали и простукивали вагоны снаружи. Начальник станции придирчиво наблюдал за работой подчиненных.

Тук-тук, звяк-звяк – доносилось отовсюду. В ход шли приклады и железнодорожные молоточки на длинных рукоятях. Особенно подозрительные места бойцы ковыряли и скоблили примкнутыми к стволам штык-ножами.

Две пары бойцов поднялись наверх и осматривали крыши вагонов. Лучи фонарей шарили под поднятыми бронефартуками и между колес.

– Нагибаемся! Не ленимся! Не сачкуем! – требовал Кирилл Васильевич. – Залазим под вагоны! Везде смотрим! Везде, я сказал! Что, забыли уже, как кишки по всей платформе лежали?

Поймав удивленный взгляд Егора, начстанции объяснил:

– В прошлый раз из-под бронефартука такое выскочило! Три человека – сразу насмерть. Еще двое – калеки. Ну, считай, что тоже погибли.

«Ну да, если калек вышвыривают за Стенку, иначе считать и не приходится» – подумал Егор.

– Страховочная платформа – чисто! – доложил командир первого отделения.

И следом:

– Локомотив – чисто!

Это – уже второе отделение докладывается.

И – после недолгой паузы:

– Первый вагон – чисто!

А это – третье.

И снова командир первого отделения:

– Второй вагон – чисто!

– Второй проверить еще раз, – велел Кирилл Васильевич, недовольный слишком быстрым осмотром.

И снова: тук-тук, звяк-звяк, тук-тук, звяк-чмок...

Чей-то молоток ударил явно не по металлу.

А по чему тогда?

Встревоженные крики возле второго вагона. Суета...

Молоток, стукнувший куда-то под тормозную колодку застрял в неприметной металлической нащепке, которая вдруг размякла, поплыла...

Кусок ожившего металла, словно кулак, обхватил молоток, переломил деревянную ручку и небольшим – с голову десятилетнего ребенка – подвижным как ртуть комком скользнул под колеса поезда.

Стрельба. Из двух... нет – из трех стволов сразу. Визг рикошетов...

Ага, автоматчики достали-таки отродье!

Осторожно, действуя штыками, бойцы второго отделения выпихнули из-под вагона изрешеченную, растекающуюся массу, облепленную грязью и машинным маслом. Мертвый, потерявший форму метаморф таял, как медуза на солнце.

Кирилл Васильевич подошел к твари, безгласно растоптал чавкнувшие под ногой останки.

– Готов, гад! – выдал начальник станции свое заключение. И тут же набросился на столпившихся вокруг подчиненных: – Чего встали? Продолжать осмотр!

Все правильно: раз бронепоезд подцепил этого интродукта, могли быть и другие.

Бойцы с автоматами и молотками двинулись дальше – к хвосту состава. Но прежде чем снова послышался стук и звон, внимание Егора привлек странный, тихий-тихий такой, на грани слышимости, звук. Словно пузырь лопнул. Звук доносился откуда-то сверху.

Егор поднял глаза.

На первый взгляд, ничего подозрительного. Только бронелист со слегка отогнувшимся краем между закрытой бойницей и козырьком крыши. Ни молотком, ни прикладом, ни штыком там не достать. Ни сверху, ни снизу. Не простучишь, не ковырнешь, не проверишь никак.

Внешне бронелист ничем не отличался от обшивки вагона. Вот только этот отогнутый край. Чем он отогнут? И зачем? И как? Не похоже было, чтобы зубами или когтями. А главное: еще минуту назад этого отгиба здесь не было. Вроде бы, не было. Стопроцентно утверждать этого Егор бы не мог. Но интуиции подсказывала держаться подальше от отслаившегося металла.

Хотя металла ли?

Край бронелиста вдруг дернулся как живой. Нет – не как. Живой! Над бойницей прошла едва заметная рябь. И под бойницей. И возле соседней амбразуры и возле следующей. На броне была живая тварь, размазанная чуть ли не на полвагона, притаившаяся у самых бойниц, облепившая защитные шипы, и сама же эти шипы успешно имитировавшая.

И тварь явно готовилась к нападению.

– В сторону! – крикнул Егор.

Оттолкнуть Кирилла Васильевича. Отскочить самому.

И не целясь, от бедра садануть косой очередью между бойницей и крышей.

Потом добавить еще – между двумя бойницами, туда, где тоже почудилось короткое судорожное трепыхание.

Пули застучали по металлу. На землю брызнула прозрачная липкая влага и рваные куски тонкой плоти.

В следующий миг целая простыня цвета камуфлированного металла, словно слезшая кожа, отвалилась от вагона. Нет, не просто отвалилась – прыгнула на платформу. В изгибающейся, стремительно меняющей свои очертания плоской твари зияло больше десятка пулевых отверстий, но этого оказалось недостаточно, чтобы ее убить.

Егору было известно только одно: возможность выжить при нападении метаморфа пропорциональна тому, сколько пуль ты успеешь всадить в тварь, прежде, чем она до тебя доберется.

Интродукт-имитатор был слишком живучим гадом, чтобы с ним мог справиться один автоматчик. Егор отпрыгнул от плоского, похожего на широкий ремень щупальца, выброшенного тварью в его сторону. Щупальце шлепнуло по асфальтированной платформе.

Короткой очередью он отстрелил извивающуюся ленту. Отбросил ногой под поезд. Второй очередью – добил. Щупальце, зацепившись за бронефартук, обвисло, как дохлая змея.

А вот Кирилл Васильевич увернуться от интродукта не успел: тварь зацепила его за ноги, повалила, напоззла, обвила, накрыла с головой, превратившись в затягивающийся живой мешок.

Выпавший мегафон и автомат начальника станции остались лежать у края платформы.

Егор прекратил стрельбу: дальше дырывать интродукта можно было только вместе с его жертвой.

К вагону подбежали еще несколько бойцов. Но и они, подняв автоматы, нерешительно застыли на месте.

Под живым колышущимся пологом смутно угадывались контуры дергающейся человеческой фигуры. Кирилл Васильевич боролся за жизнь.

И кажется...

Тонкая, но прочная плоть твари вдруг натянулась. Лопнула, брызнув прозрачной жижей. Из шевелящейся «простыни» показалось острие армейского ножа...

Кажется, человек побеждал метаморфа.

Крепкая заточенная сталь с треском продиралась сквозь плотный слой органики, лезвие вязло в липкой жиже-крови. И все-таки нож резал тварь.

Один косой разрез, еще один...

Для того, чтобы залепить, залечить и склеить такие раны, метаморфу нужно время. Много времени.

Кирилл Васильевич – весь в отвратительной слизи без цвета и запаха – выскользнул из живого савана, словно из раскромсанной палатки. Откатился в сторону, захлебываясь в кашле.

Тварь все еще была жива. Более того, она сжалась для очередного броска, сделавшись похожей на скомканное одеяло. Но на этот раз у интродукта не оставалось ни единого шанса. С полдюжины автоматных стволов, ударивших одновременно, буквально разорвали бесформенный ком метаморфа и смешали его плоть с выщербленным асфальтом.

Влажные ошметки твари разлетелись по платформе. Чуть в стороне лежал Кирилл Васильевич.

Начальник станции был плох. Его одежда зияла прорехами и исходила паром. Кожа на руках и лице побагровела и покрылась крупными волдырями. Из носа, ушей и рта сочилась кровь.

Что ж, человек, которого чуть не переварили заживо, вряд ли будет выглядеть бодреньким и здоровеньким. И все же...

С каждой секундой Кириллу Васильевичу становилось все хуже. Дыхание было сиплым и прерывистым. Обращенных к нему слов раненый не слышал и никак не реагировал на происходившее вокруг.

Из разжатых пальцев выскользнул перепачканный слизью нож.

Судя по всему, когда Кирилл Васильевич прорезал себе выход, это было его последним осознанным поступком. А теперь...

– Кома, что ли? – растерянно пробормотал один из бойцов.

– Триндец, – резюмировал еще кто-то.

«А ведь спишут мужика, – с тоской подумал Егор. – Если не очухается – так и вышвырнут за Стенку в бессознательном состоянии. Жаль, хороший командир».

– Врача! – крикнул Егор. – Начстанции ранен!

От здания вокзала к карантинной зоне по путям уже бежал медбрат с нашитым на форму красным крестом и пухлой поясной сумкой, помеченной таким же крестом.

Но кое-кто оказался проворнее. Из соседнего – третьего, судя по всему, штабного вагона выскочил щупленький человечек в штатском. Одежда незнакомца – немного смятые, но вполне цивильные брючки и пиджачок смотрелись крайне нелепо и неуместно среди потрепанного камуфляжа станционной охраны и команды бронепоезда.

– Назад! – пара бойцов загородили ему дорогу. Не очень, впрочем, решительно, – Карантин! Состав не осмотрен...

– Извините, – незнакомец, не задержавшись ни на секунду, проскользнул мимо одного.

– Вы позволите? – обошел второго.

Больше его останавливать никто не пытался. Сейчас всех больше интересовало состояние Кирилла Васильевича.

Человека с бронепоезда оно, судя по всему, интересовало тоже.

Станный все-таки типчик. Лысенский, с большим носом, маленькими усиками и аккуратненькой бородкой, в круглых профессорских очках... Суетливые движения незнакомца, как и его одежда выдавали в нем сугубо штатского человека. И еще эта манера общаться на «вы». О том, как он попал на бронепоезд, можно было только догадываться. Обычно в экспедиции пассажиров не брали: бронепоезд дальнего следования – это все-таки не пригородная бронетричка. Хотя могло быть одно объяснение.

– Вы врач? – спросил Егор.

– И врач тоже, – прозвучал непонятный ответ. – Прошу прощения...

Штатский вежливо отстранил Егора и подошел к начальнику станции.

На раненого, впрочем, он взглянул лишь мельком. Сразу шагнул дальше – к краю платформы. Поднял автомат Кирилла Васильевича.

– Э-э-э! Какого... – начал, было, Егор, но закончить фразу не успел.

Лязг затвора. Автомат в руках штатского был направлен в живот начстанции.

Глава 10

Странный врач с бронепоезда, как оказалось, все же был обучен обращаться с оружием. Однако не так хорошо, как следовало бы. Лишь поэтому Егор успел ему помешать.

В один прыжок он оказался возле штатского. Ударом ладони по цевью отвел ствол калаша вниз и в сторону. Прогремевшая очередь чиркнула по асфальту. Кирилла Васильевича пули не задели.

«Ах ты, долбанный интеллигентик!» Егор без особого труда вырвал у штатского автомат. Самого отбросил назад и вжал между шипами штабного вагона. Придавил к броне, впечатал затылком в закрытую бойницу.

– Ты что творишь, сука?!

– Так надо... – прохрипел штатский, дико вращая глазами за перекошенными стеклами очков, которые каким-то чудом удержались на крупном носу. – Быстро надо...

– Это тебя замочить надо, гнида очкастая! – удерживая штатского одной рукой, другой Егор поднял автомат.

Лязгнула, отодвигаясь, заслонка бойницы.

Из темной щели выдвинулся ствол АК. Пламегаситель уперся Егору в скулу.

– Отпусти его! – потребовали из вагонного полумрака. А голосок-то женский! Девичий даже. Нежный такой, звонкий, мелодичный. – Дай ему сделать, что он говорит.

Ага, как же! Егор приставил свое оружие к голове штатской крысы.

Так, чтобы из бойницы все было хорошо видно. И чтобы в бойницу же полетели и пули, и мозги ублюдка, если придется стрелять.

– Убери автомат, – он оттолкнул подбородком чужой ствол.

Боковым зрением Егор засек движение на платформе. Станционная охрана взяла на прицел очкарика и бойницу, к которой того прижал Егор. Блин, а ведь и его самого тоже пристрелят, если что. Свои же и положат.

– Стоять! – приказал он штатскому. И не опуская автомата, попятился от вагона, уходя с линии «дружественного» огня.

Калаш, торчавший из бойницы над ухом очкарика, смотрел Егору в грудь.

Мало того: в вагонах одна за другой открывались другие стрелковые амбразуры. Из бойниц показалось еще несколько стволов. Пришли в движение пулеметные и гранатометные башни. Открытые до того люки и двери с лязгом захлопывались. Бронепоезд готовился к бою.

Обстановка накалялась. И, следовало признать, хорошего в этом мало. Если сейчас начнется заварушка, несомненное преимущество будет у бронепоезда. Станционную охрану попросту сметут свинцовым шквалом с открытой платформы. Правда, и поезд после этого из Форпоста не выпустят.

Егор снова перевел взгляд на очкарика. Неужели дойдет до перестрелки? Неужели, этот доходяга в штатском стоит того?

Что ж, в таком случае его тем более нельзя упускать с мушки. Типа, тактика сдерживания, мать ее...

Бегающий взгляд штатского вдруг остановился в одной точке. Врач с бронепоезда пялился влево – туда, где лежал Кирилл Васильевич.

Егор тоже покосился в ту сторону. Раненого уже осматривал медбрат.

Начальник станции вдруг захрипел и забился в судорогах.

– Отойдите! – потребовал штатский, обращаясь к медику. – Не трогайте его.

– Молчать! – приказал Егор. И бросил еще один быстрый взгляд на медбрата.

– Что с «первым»?

– Заблокированы дыхательные пути, – пробормотал медик.

Он пытался открыть рот бьющемуся в агонии человеку.

– Не надо! – замотал головой штатский. – Не надо этого делать!

Что-то в его голосе было такое, что Егор почти поверил: не надо. Действительно, может, лучше не надо, а?..

Взгляд Егора перебежал с лица очкарика на синее лицо Кирилл Васильевича, у которого уже закатывались глаза.

Руки медика разжимали стиснутые челюсти раненого. Раз-жи-ма-ли. Раз-жи...

– А-а-а! – напряженную тишину разорвал дикий вопль медбрата.

Что за хрень?!

Укусили его, что ли? Медбрат отдернул от головы раненого руку к которой... в которой...

Ох, нич-ч-чего себе!

Рот начальника станции был открыт. А изо рта торчало...

Что это? Язык? По цвету и по форме, вроде, похоже. Но не бывает у людей языков ТАКОЙ длины. Что-то гибкое розовое обвилось вокруг правой кисти медики.

Парень не растерялся. Схватил валявшийся на асфальте нож Кирилла Васильевича, полоснул по извивающемуся толстому жгуту.

Жгут соскользнул с руки, забился в луже из человеческой крови и прозрачной жижи, словно червь на крючке.

Да это же интродукт! Недобитый метаморф! Тот самый!

Бедолага-медик, упал на пятую точку, выбросил нож и, обхватив левой рукой правую, отползал прочь, отталкиваясь ногами от асфальта. Из ободранной кисти текла кровяца.

– Тварь! В нем! Тварь! В нем! – кричал и никак не мог остановиться медик.

Кирилл Васильевич больше не казался живым человеком. В его раскрытом рту что-то шевелилось, а по губам текла бесцветная слизь. Под камуфляжем рывками поднимался и опускался живот, словно кто-то бился внутри. Но это была чужая, чуждая жизнь.

– Тварь! В нем! – не унимался медбрат. – Тварь! В нем!

Двое бойцов оттащили медика к краю карантинной платформы.

– Назад! – замахал руками штатский. – Не подходить к трупам!

– Что происходит? – набросился на него Егор.

– Интродукт! – тут же прозвучал ответ. – Метаморф! Он не смог пожрать добычу снаружи. Теперь пожирает ее изнутри. Чем скорее его пристрелить – тем будет лучше.

– Так мы же... – Егор бросил растерянный взгляд на ошметки метаморфа, – Мы же замочили тварь!

– Не всю, – отрезал штатский. – Не до конца.

Бойцы станционной охраны ошарашено пятились от тела командира. Из бронепоезда на платформу выскакивали вооруженные люди. Им никто не препятствовал. Сейчас всем было наплевать на правила карантина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.